

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XIV.

ЯНВАРЬ.

1886 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РЪКЪ ДНѢПРЪ.

(Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ).

„Грай, кобзарю! лый шинкарю!"
Козаки гукали.
Шинкарь знае—наливае
И не схаменетця;
Кобзарь вшкваривь, а козаки,
Ажь Хортиця гнетця,
Метельци та гопака
Гуртомъ оддирають ¹⁾.

Въ исторіи южно-русскаго народа съ именемъ Хортицы соединены воспоминанія о первыхъ временахъ славнаго нѣкогда «Низоваго войска». Здѣсь было первое укрѣпленное жилище запорожскихъ Козаковъ, или «Сѣчь», и отсюда предпринимали они свои отважные походы противъ туровъ и татарь.

Островъ Хортица—самый большой и самый величественный изъ острововъ Днѣпра на всемъ его протяженіи. Первыми свѣдѣніями объ этомъ островѣ мы обязаны греческому императору Константину VII Багрянородному (905—959). У Константина Багрянороднаго Хортица именуется островомъ св. Григорія: " Прошедъ крарійскій перевозъ ²⁾, они (руссy) причаливають въ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертвы живыхъ птицъ; также втыкають кругомъ стрѣлы, а другіе (кладуть) куски хлѣба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ-же бросаютъ жребій, уби-

¹⁾ Кобзарь Т. Шевченко. Спб., 1883 г., стр. 69.

²⁾ Теперешній Кичкасъ.

вать-ли птицъ и ѣсть, или оставлять въ живыхъ»¹⁾. Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы («Хортичъ») впервые упоминается подъ 1103-мъ годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, отправился походомъ противъ половцевъ: "И поидоша на конихъ и въ лодяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ»²⁾. Изъ русскихъ-же лѣтописей узнаемъ, что на островѣ Хортицѣ съѣхались всѣ русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ. Островъ назывался тогда варяжскимъ. " Придоша къ рѣцѣ Днѣпру, ко острову варяжьскому. И приѣха ту къ пимъ вся земля половецкая, и черниговцемъ приѣхавшимъ и кияномъ и смолняномъ, и инѣмъ странамъ; а галичане и волынцы кийждо со своими князьями, а куряне и трубчане и путивлицы и кийждо со своими князьями, придоша коньми, а выгонцы галичкыя придоша по Днѣпру и вьидоша въ море; бѣ бо людей тысящи, и воидоша въ Днѣпръ, и возведоша пороги, и сташа у рѣки Хорѣтицѣ на броду у протолчи»^{1 2 3 4)}. Эрихъ Лассота (1594 г.) о Хортицѣ говоритъ, что она лежитъ въ полу-миль отъ Кичкаса, прекрасна, высока и приютна, въ длину имѣетъ двѣ мили и раздѣляетъ Днѣпръ на двѣ равныя части⁴⁾. Бопланъ (1620—1637 г.) называетъ Хортицу настоящимъ ея именемъ и говоритъ, что островъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами; въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину около полумили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и меньше того^{5 * 7)}. Изъ «Исторіи» Мышецкаго узнаемъ, что нѣкогда Хортица не была островомъ, а представляла лишь мысъ материка. «Сказываютъ, въ то время оный Хортицъ не былъ островъ, но соединенная степь, а ужъ потомъ отъ сильныхъ вешнихъ водъ въ низкихъ мѣстахъ сильною водою прорыло и учинило Хортицкимъ островомъ»⁶⁾. Въ книгѣ Большаго Чертежа (1552—1600 гг.) Хортица именуется Хиртицей⁷⁾, въ Путешественныхъ за-

1) De administr. imper., cap. IX, стр. 74—77. Издан. Бон.

2) Лѣт. по Ипат. списку. Спб. 1871 г., стр. 183.

3) Тамъ-же, стр. 495 и 496.

4) Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 30.

5) Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 24.

6) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 24.

7) Книга, гл. Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 100.

пискахъ Зуева (1781 и 1782 г.) Хортицомъ ¹⁾, въ атласѣ Днѣпра (1784 года) Хитрицкимъ островомъ, принадлежащимъ къ дачѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина ²⁾, у Ригельмана (1785—1786 г.) Хордецкимъ ^{1 2 3 4 5)}. Объясненіе самаго названія острова находимъ у профессора Бруна. «Хортецкимъ онъ (островъ) могъ быть потому, что русы X вѣка имѣли обыкновеніе приносить на немъ жертвы своимъ богамъ, а подобными жертвами могли у нихъ служить, *faute de mieux*, молодыя собаки, которыхъ оии легко могли назвать хортецами, т. е. именемъ, напоминающимъ финское слово *hurttä*, означающее волка и извѣстнаго вида собаку, извѣстную у эстовъ подъ названіе *hart*, у латышей *kurts*, у литовцевъ *kurtas*, у поляковъ *chart*, т. е. подъ именемъ нашихъ борзыхъ собакъ. Что эти именно собаки высоко цѣнились въ Россіи еще гораздо позже, это видно изъ описанія Герберштейномъ охоты, въ которой самъ онъ участвовалъ, въ присутствіи великаго князя Василія Іоанновича, *mit reschen Hunden die sie Kurtzen nennen*. По крайней мѣрѣ можно полагать, что австрійскій посланникъ (Герберштейнъ) подъ своимъ неразгаданнымъ словомъ *Kurtzi* просто разумѣлъ хортовъ» ⁴⁾.

Таковы первыя свѣдѣнія объ островѣ Хортицѣ. Къ этому нужно прибавить лишь то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Багрянороднаго «Объ управленіи имперіей (*De adminisitrando imperio*)» Хортица именуется островомъ не Григорія, а Георгія. Но это или простая замѣна слова, которая показана уже въ нашихъ лѣтописяхъ (Георгій, Гюрга, Гюргій, Григорій)⁵⁾, или-же звуковое измѣненіе происшедшее по извѣстному закону перехода буквы х въ г (Хорт+иц+a=Хорд+иц+a=Хюрд+иц+a = Гюрди=Гюрги=Георги=Георгій).

Для изучающаго исторію запорожскаго козачества Хортицкій островъ важенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени запорожская сѣчь. Впрочемъ, нельзя при этомъ не сказать о тѣхъ лѣтописцахъ и изслѣдователяхъ, которые полагаютъ, что до того времени,

1) Путеш. записки Василія Зуева. Спб. 1787 г., стр. 261.

2) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

3) Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., ч. I, стр. 20.

4) Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 85.

5) Лѣт. по Ипат. спис. С.-Пб., 1871 г., стр. 187, 205, 208 и др.

пока запорожцы осѣлись па Хортицѣ, они имѣли будто-бы уже три сѣчи: въ Седневѣ, мѣстечкѣ, отстоявшемъ отъ города Чернигова на 30 верстѣ, при р. Сновѣ, впадающей въ Десну, Каневѣ, теперь уѣздномъ городѣ кievской губерніи, на правомъ бѣрегу Днѣпра, и Переволочыѣ, теперь мѣстечкѣ полтавской губерніи на лѣвомъ берегу Днѣпра¹). Но противъ такого утверженія говорить, во первыхъ, самая этимологія слова «запорожець». Запорожцами, запорожскими козаками, въ собственномъ смыслѣ, назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ Козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища *за порогами* Днѣпра, начинавшимися, равнымъ счетомъ, на восемь верстѣ ниже бывшей у Козаковъ деревни Половицы, у насъ губернскаго города Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ Козаковъ назывались и потому должны называться запорожскими козаками; тѣ-же изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ: кievской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ города Черкасъ, кievской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, родовыхъ, реестровыхъ или семейныхъ Козаковъ. А какъ Седнево, Каневъ и Переволочна находятся *выше днѣпровскихъ*, то и считать ихъ *запорожскими* сѣчами едва-ли возможно. Если-же пребываніе запорожскихъ Козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и допускается, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто возрожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истые сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ, пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя-бы то и не сѣчами, могло относиться къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они еще не обособлялись отъ малорусскихъ Козаковъ и, живя ¹

¹) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852 г., Одесса, стр. 9. Ригельманъ. Лѣтопис. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., стр. 2.—Бантышъ-Каменскій Седнево совсѣмъ исключаетъ, полагая сѣчи въ Каневѣ, Черкасахъ и Переволочнѣ.—Исторія Малой Россіи, Москва, 1842 г., т. II, примѣчаніе 20.

въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седнево, Каневъ и Переволочну запорожскими сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая сѣчь. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ лѣтописецъ: «Того-жъ мѣсяца (сентября, 1557 года) пріѣхаль (въ Москву) ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) вся Русіи отъ Вишневецкаго князя Дмитрія Івановича бити челомъ Михайло Есковичъ, что(бъ) его (т. е. князя Вишневецкаго) государь пожаловаль и велѣль себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отѣхаль и на Днѣпрѣ на Кортицкомъ острову городъ постановилъ противъ конскихъ водъ у крымскихъ кочевищъ. И Царь и великий князь послалъ къ Вишневецкому дѣтеі боярскихъ Ондрѣя Щепотѣва да Нечая Ртищева, да того-жъ Михаіла съ опасною грамотою и зъ жалованнемъ» ¹⁾. Объ этомъ-же самомъ «городкѣ» на Днѣпрѣ говоритъ и посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Лассота. «Четвертаго іюля прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны... Затѣмъ пристали къ берегу ниже, близъ лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построень замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами " ²⁾. Съ свидѣтельствомъ Эриха Лассоты совпадаетъ и свидѣтельство Мартина. Бѣльскаго. " Есть и другой островъ, близъ того (Kochanie), называемый Хорчика (Choczuka), на которомъ Вишневецкій предъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ (na wielkiey przeczkozie byl), такъ что они не смѣли черезъ него такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже его въ Днѣпрѣ впадаетъ р. Тисменица, 44 м. отъ Кіева» ³⁾.

¹⁾ Русская лѣтопись по Никонов. спис. Спб., 1791 года, томъ VII, стр. 272 и 273.

²⁾ Лассота отправленъ былъ къ запорожцамъ дѣ 1594 г. Мѣсто сѣчи онъ полагаетъ на островѣ Малой Хортицѣ, по теперешнему Канцерскомъ островѣ; время-жс возникновенія ея опредѣляетъ, очевидно, приблизительно.—Путев. записки. Одесса, 1873 г., стр. 53.

³⁾ Лербергъ, Изслѣдованіе къ объясненію древн. россіиск. исторіи, стр. 278.

Вотъ этотъ-то городокъ или замокъ на Днѣпрѣ, на Хортицкомъ островѣ, и слѣдуетъ считать первую по времени запорожскою сѣчью. «Онъ (т. е. островъ Хортица) высокъ, говоритъ одинъ изъ давнихъ русскихъ историковъ, берега его скалисты, неподвержень наводненію и изобилуетъ дубовымъ лѣсомъ. Имѣя всѣ удобства въ заселенію, сей прекрасный островъ оставался очень долго необитаемымъ; орды кочующихъ народовъ, которые съ незапамятныхъ временъ бродили здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки, полагали непреборимое препятствіе всякому прочному на опомъ заведенію. Въ началѣ токмо XVI ст., сколько намъ извѣстно, занятъ онъ запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ мѣстомъ для воспрещенія татарамъ переходить здѣсь "1). " На островѣ Хортицѣ, говоритъ другой, также очень давній историкъ, они (т. е. запорожскіе гозаки) здѣлали себѣ укрѣпленное мѣсто, по ихъ Сѣчь называемое; но сіе мѣсто ихъ пребыванія иногда по обстоятельствамъ перемѣнялось» 2). Князь Мышецкій считаетъ Хортицкую сѣчь также одною изъ древнѣйшихъ, хотя не первую по времени. «Противъ оныхъ трехъ рѣкъ Сухой, Великой и Нижней Хортицъ въ рѣкѣ Днѣпрѣ имѣется великій островъ, называемый Хортицъ, на которомъ издревле была запорожская Сѣчь» 3). «Чтобы имѣть базисъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма, а вмѣстѣ съ тѣмъ защиту отъ татаръ, замѣчаетъ въ своихъ лекціяхъ о козакахъ -профессоръ Антоновичъ, Вишневецкій строилъ передовыя укрѣпленія, далеко выдвигая ихъ въ степь. Первое такое укрѣпленіе временно было построено имъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, на островѣ Хортицѣ, немного ниже пороговъ. Устройство этого укрѣпленія относится къ четвертому десятилѣтію XVI вѣка. Въ началѣ это укрѣпленіе не имѣло постоянныхъ жителей, сюда вводился гарнизонъ, когда была необходимость, обыкновенно лѣтомъ, а на зиму удалялся» 3).

Кто-же былъ такъ часто называемый Димитрій Вишневецкій?— Димитрій Ивановичъ Вишневецкій происходилъ изъ волынскихъ

1) *Zbior pisarzow polskich. Czesc szosta. Tom XVIII. Warszawa. 1832, 191-193.*

2) Миллеръ. Истор. сочин. о малоросс. нар. Москва, 1847 г., стр. 2.

3) *Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., стр. 68 и 69.*

4) *Исторія малорусскаго козачества. Кіевъ. Читано въ 1882—83 акад. году.*

князей Гедиминовичей; онъ былъ человекъ православной вѣры, владѣлъ многими имѣніями въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Подгайцы, Окимны, Кушнинъ, Лопушна и другія и имѣлъ у себя трехъ братьевъ: Андрея, Константина и Сигизмунда. Имя князя Димитрія Вишневецкаго, въ началѣ не популярное, становится извѣстнымъ только съ 1550 года, когда онъ назначенъ былъ польскимъ правительствомъ на должность черкаскаго и Каневскаго старосты (губернатора). Но должность эту Вишневецкій несъ лишь до 1553 года, когда получивши отказъ отъ короля Сигизмунда Августа въ какомъ-то пожалованіи, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ на службу къ турецкому султану. Тогда король, обезпокоенный тѣмъ, что турки пріобрѣтутъ въ лицѣ Вишневецкаго отличнаго полководца, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, теперь врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ-же Черкасы и Каневъ въ управленіе. Но владѣя этими городами, князь хотя и доволенъ былъ королемъ, но недоволенъ былъ собственнымъ положеніемъ: душа его жаждала битвъ, опасностей войны. И вотъ онъ приходитъ къ такой мысли: уничтожить крымскую орду и, если возможно, завладѣть черноморскимъ побережьемъ. Планъ свой Вишневецкій старался выполнить послѣдовательно съ 1556 года. Въ этомъ году Вишневецкій, вмѣстѣ съ русскими козаками дьяка Ржевскаго, запорожскими козаками атамановъ Млымскаго и Михаила Есковича и своими тремя стами черкасско-каневскими, ходилъ противъ татаръ и турокъ подъ Исламъ-Кермень и Воломъ Кермень "и тутъ кони и многую животину отгнали", затѣмъ добрался до Очакова "и у Ачакова острогъ взяли, и турокъ и татаръ побили, и языки поймали. А какъ пошли прочь и за ними ходили саинчаки очаковскоі и тягинскоіи со многими людьми, и дьякъ па нихъ учинилъ въ тростнику у Днепра подсаду и побилъ исъ пищалей многихъ людей, и самъ отшелъ подъ Исламкирмень, и тутъ пришелъ къ Исламкирмени царевичъ Колга крымскоі, а съ нимъ весь Крымъ и князи и мурзы; и дьякъ сталъ противу его на острову, и бился съ нимъ исъ пищалей шесть дней, да отогналъ ночью дьякъ у крымцовъ стада конные да на островъ къ себѣ перевезъ и по заднепрю по литовскоі сторонѣ

вверхъ пошелъ и разшелся съ царевичемъ дьякъ, даль Богъ, здорово, а у царевича исъ пищалей порापиль и побиль людеи многихъ»¹⁾.

Въ 1557 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій прислалъ въ Ивану Грозному Михаила Есковича съ выраженіемъ желанія поступить въ подданство къ московскому царю, на что и получилъ дозволеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ Вишневецкій извѣщалъ царя объ устройствѣ "на Днѣпрѣ, на Кортицкомъ острову города»²⁾. Въ томъ-же году, 16 октября Вишневецкій чрезъ своихъ пословъ Андрея Щепотева, Нечая, Ртищева, князя Семена Жижемскаго да Михаила Есковича извѣщалъ царя Ивана Грознаго, «что онъ (т. е. князь Вишневецкій) холопъ царя и великаго князя, и правду на томъ даль, что ему ѣхати ко государю, а пошелъ воевати крымскихъ улусовъ и подъ Исламъ-кирмень, служаи царю и великому князю»³⁾. Производя набѣги на татарскія области, князь Вишневецкій долженъ былъ наконецъ испытать тоже самое и отъ татаръ. Въ 1557 году, въ маѣ мѣсяцѣ Вишневецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ сыномъ и со многими крымскими людьми приходилъ подъ его городъ, что на Хортецкомъ островѣ («Гордецкой островъ»), осаждалъ его двадцать четыре дня; но Божіимъ милосердіемъ и именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана, побивъ у него даже много лучшихъ людей, такъ что ханъ пошелъ отъ Вишневецкаго съ великимъ соромомъ и на столько обезсилѣлъ, что Вишневецкій отнялъ у крымцевъ многія изъ ихъ кочевичъ⁴⁾. Но уже въ 1558 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ханъ снова подступилъ къ городу па Хортицѣ, причемъ онъ привелъ съ собою многихъ людей турецкаго султана («турскаго царя») и волошкаго господаря. Вишневецкій, какъ должно думать, долго отбивался, но наконецъ «зъ Днѣпра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки отъ нег разошлись... И онъ кормомъ не сѣлъ въ городе, а пришелъ за Черкасы и Каневъ»⁵⁾. Царь * 4

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., стр. 2СС.

2) Тамъ-же, стр. 272 и 273.

3) Тамъ-же, стр. 274.

4) Тамъ-же, стр. 284.

5) Тамъ-же, стр. 292 и 293.

понялъ положеніе Вишневецкаго и потому велѣлъ ему, оставивъ Черкасы и Каневъ, ѣхать въ Москву на службу. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-жъ года Вишневецкій прибылъ въ Москву; здѣсь царь назначилъ ему жалованье, далъ въ отчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, "да въ иныхъ городахъ государь назначилъ князю подклѣтныя села и великими жалованы устроилъ»; князь-же за все это клялся животворящимъ крестомъ вѣрно служить царю на вѣки и добромъ платить его государству ¹⁾. Въ томъ-же 1558 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, царь Иванъ Грозный отпустилъ Вишневецкаго на крымскіе улусы, «да съ нимъ черкаскаго (черкесскаго) мурзу кабартинскаго Канклыча Канукова въ Кабарту въ черкасы (въ землю черкесовъ), а велѣлъ имъ собрався итти всѣмъ ко князю Дмитрею на пособъ, а отпущенъ въ черкасы на Казань да на Астораханъ судномъ, изъ черкасъ имъ итти ратью мимо Азова; да со княземъ Дмитреемъ-же братъ отпустилъ... иныхъ атамановъ съ козаки да сотцкихъ съ стрельцы; а велѣлъ ему государь итти прямо, а опослѣ велѣлъ суды подѣлати и зъ запасы итти на Днепръ, и велѣлъ государь князю Дмитрею стояти на Днѣпре и беречи надъ крымскимъ царемъ, сколько ему Богъ поможетъ»²⁾).

Въ томъ-лѣе 1558 году, мѣсяца мая, Вишневецкій доносилъ уже и о самомъ результатѣ предпринятаго похода. Простоявъ подъ Перекопомъ и не встрѣтивъ ни одного врага—крымца, князь пошелъ къ Днѣпру, къ Таванской переправѣ, «которая находится на полтретятцать верстъ ниже Исламъ-Кременя»; на перевозѣ онъ простоялъ еще три дня, а крымцы все не являлись къ нему, и это, говорили, оттого, что крымскій ханъ былъ въ осадѣ. Отъ Таванской переправы Вишневецкій поднялся къ Хортицѣ (Ортинскій островъ) и здѣсь соединился съ дьякомъ Ржевскимъ; встрѣтивъ его выше пороговъ, велѣлъ оставить всѣ кошеи съ запасами здѣсь-же, на Интрскомъ (?) островѣ; а изъ дѣтей боярскихъ, которые изнурены были походомъ, отослалъ къ царю, оставивъ у себя только небольшое число боярскихъ дѣтей, Козаковъ да стрѣльцовъ, съ которыми отправился лѣтовать въ Исламъ-Кремень; цѣль князя была—захватить Перекопъ и Козлецъ. Самъ-же ханъ крымскій, извѣщен-^{*}

¹⁾ Тамъ-же, стр. 295 и 296.

²⁾ Тамъ-же, стр. 295 и 296.

ный о замыслахъ русскаго царя польскимъ королемъ, снялъ всѣ свои улусы съ Днѣпра и перенесся за Перекопъ. Такимъ образомъ Вишневецкій долженъ былъ проводить время въ бездѣйствіи, и потому царь, отправивъ посла къ князю съ жалованьемъ, самому ему велѣлъ ѣхать въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ Ширяя, Кобякова, дьяка Ржевскаго да Андрея Щепотева и съ ними немного дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, да съ козаками Данила Чулкова и Юрія Булгакова» ¹⁾. Это было въ 1558 году; но уже въ 1561 году Вишневецкій снова оказывается на Днѣпрѣ и хлопочетъ о томъ, чтобы опять передаться польскому королю. Что побудило князя къ этому, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, остановившись въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицей и городомъ Черкасами, Вишневецкій отправилъ къ королю гонца съ просьбою, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ па службу и выслалъ-бы, по обыкновению и прежде всего, такъ называемый «глейтовный», т. е. охранный листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастырища въ Краковъ. Король охотно принялъ князя, и въ 1563 году Вишневецкій считался уже на службѣ польскому престолу; расположеніе короля къ Вишневецкому выразилось между прочимъ тѣмъ, что онъ прислалъ князю своего медика для излѣченія болѣзни, которою страдалъ князь еще въ юношескіе годы, отравленный какимъ-то ядомъ. Впрочемъ тотъ-же король при случаѣ не преминулъ освѣдомиться у русскаго царя о причинѣ отъѣзда князя Вишневецкаго изъ Москвы. «Пришелъ онъ, какъ собака и потекъ, какъ собака; а мнѣ, государю, и землѣ моей убытка никакого не причинилъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный королю Сигизмунду-Августу. Въ это время Вишневецкій сдѣлался па столько дряхлъ, что едва могъ садиться на коня; по духъ героизма въ немъ не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и подружившись тамъ съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотинимъ и надѣялся и всю Молдавію присоединить къ Польшѣ, Вишневецкій, подъ вліяніемъ этого поляка, задался мыслью добиться молдавской короны. Съ этою-то цѣлью онъ и отправлялся въ 1564 году въ Молдавію; но этотъ походъ былъ послѣднею лебединою пѣсню князя. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись два пре-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 308 и 309.

тендента за обладаніе престоломъ: господарь Яковъ Василицъ, иначе Ираклицъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Томжа осаждалъ Василица въ Сучавскомъ дворцѣ, когда явился передовой отрядъ Вишневецкаго и потребовалъ молдавской булавы для своего князя. Томжа повидимому охотно согласился па это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Князь не ожидалъ такой скорой развязки и съ небольшой дружиной двинулся къ Сучавѣ, но здѣсь внезапно былъ схваченъ сторонниками хитраго Томжи и плѣненъ. Этого мало: плѣннаго князя Томжа передалъ туркамъ, злѣйшимъ врагамъ его, и тѣ рѣшили предать его жесточайшей казни: бросить живымъ съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ гаковъ (крюкъ), которые вдѣланы были въ стѣну у морскаго залива, по дорогѣ отъ Константинополя въ Галату. Князь былъ брошенъ, зацѣпился ребромъ за крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, понося имя султана и хуля его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стерпѣвшими его злословія. Народъ сохранилъ въ своей памяти величественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ. Пѣсня рассказываетъ, что Байда на столько былъ славенъ, что самъ ханъ предлагалъ ему свою дочь въ жены; но Байда па столько-же былъ преданъ православнои вѣрѣ, что съ омерзѣніемъ отвергъ это предложеніе, глумясь надъ всѣмъ, что было священно и простому мослемину, и самому хану, и рѣшился даже убить этого послѣдняго. Жестокая казнь слѣдовала за этимъ глумленіемъ. Польскій писатель Нѣсецкій прибавляетъ ¹⁾, что у повѣшеннаго князя было вынуто изъ груди сердце; предавъ его огню, турки всыпали пепель его въ кружки съ виномъ и выпили, желая отъ этого заразиться такимъ-же мужествомъ, какимъ отличался во всю свою жизнь князь Вишневецкій.

У Царьграда та на рыночку,
Тамъ пье Байда медь-горилочку;
Ой пье Байда та не день не два,
Не одну пичку та й не годиночку;
Ой пье Байда та й киваетца,
На турецького царя похваляется;

¹⁾ Korona Polska, 1728 — 1748, т. IV, стр. 545.

Ой пье Байда, що разъ наливає,
А турецкій царь его пидмовляє.
—Ой ты, Байдо, та славнесенькій,
Будь мени лыцарь та вирнесенькій.
Покинь, Байдо, та пити-гуляти,
Бери дочку та йди царювати!
Бери въ мене та царивночку,
Будешь паномъ а на Украиночку!
—Твоя вира та проклятая,
А дочка твоя та поганая.
Ой крикнуйь царь та своимъ гайдукамъ:
—Визьмить Байду та добре въ руки,
Визьмить Байду, извяжите,
На гакъ ребромъ почепите.
Ой висить Байда та й не день, не два,
Не одну ничку та й не годиночку.
Ой висить Байда та й гадає
Та й на свого царя споглядає,
Та на свого царя молодого,
И на свого коня вороного.
—Ой, царю-жь мій молодесенькій!
Подай мени лучокъ та тугесенькій,
Подай мени тугій лучокъ
И стрилочокъ цилый цучокъ!
Ой бачу я три голубочки,
Хочу я вбити для ёго дочки.
Де я мирю, тамъ я вцилю,
Де я важу, тамъ я вражу.—
Ой якъ стриливъ, царя вциливъ,
А царицю въ потилицю,
Его доньку въ головоньку.
Не вмивъ, царю, Байды бити,
За це-жь тобі въ земли прийти.
Було-бъ Байди голову изняти,
Було-бъ ёго тило поховати,
А па воронимъ кони пидъизжати,
Хлопця ёго соби пидмовлятп.

Такимъ образомъ Вишневецкій не удержался на Хортицѣ и основанный имъ притонъ или Сѣчь, для помѣщенія на островѣ Козаковъ, также рушился: основавъ Сѣчь въ 1557 году, князь долженъ былъ оставить ее уже въ 1558 году. Прошло болѣе шести-десяти лѣтъ и Сѣчь на островѣ Хортицѣ снова возникаетъ. Теперь устройство ея принадлежитъ гетману малороссійскихъ и вмѣстѣ кошевому атаману запорожскихъ Козаковъ Петру Конашевичу-Сагайдачному. «Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году ¹⁾, замѣчаетъ князь Мышецкій, тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, па ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а но ихъ званію окопъ»²⁾. «Въ началѣ XVI ст., сколько намъ извѣстно, пишетъ Лербергъ, занялъ онъ (Хортицкій островъ) запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ пунктомъ»... Но заселеніе это продолжалось не долго, столько-же мало, какъ и *бывшее въ 1620 году*, въ которомъ сіи козаки заложили здѣсь крѣпость (сѣчу); поелику Бопланъ, бывшій на островѣ въ 1639 году, совѣтуетъ сдѣлать здѣсь заселеніе» ^{1 2 3 4)}. «Островъ сей (Хортицкій), нишетъ Устряловъ въ одномъ изъ примѣчаній переводимаго имъ «Описанія Украйны», извѣстенъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставляли ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули»⁴⁾. «Хортица, замѣчаетъ наконецъ Григорій Спасскій, одинъ изъ большихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки... Въ началѣ XVII ст. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засткою*, отъ чего, можетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе

1) Мышецкій впадаетъ въ небольшую погрѣшность: дѣло было въ 1618 или 1620 г., но ни въ какомъ случаѣ не въ 1630 г., такъ какъ Сагайдачный умеръ уже въ 1622 году.

2) Исторія о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

3) Изслѣдованіе къ объясненію древн. рос. исторіи, стр. 278—279.

4) Бопланъ. «Описаніе Украйны». Спб., 1832 г., стр. 150, нримѣч. 97.

сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ на другія мѣста, до самага окончательнаго ихъ разсѣянiя»¹⁾).

Такова исторiя острова Хортицы. Особенное вниманiе обратилъ я на него во время своей поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ. Подыскавъ себѣ спутниковъ въ лицѣ двухъ стариковъ и учителя Трофима Евфимовича Детки ближайшаго къ острову села Вознесенки, я направился внизъ по Днѣпру и прибылъ прямо къ сѣверо-западному углу острова. Здѣсь Днѣпръ островомъ Хортицей дѣлится на два рукава: новый Днѣпръ и старый Днѣпръ. Новый Днѣпръ охватываетъ островъ съ сѣверо-востока и идетъ къ городу Александровску, старый Днѣпръ, иначе Рѣчище, окаймляетъ островъ съ юго-запада и протекаетъ по-надъ колонiями Верхней Хортицы, Канцеровки, Розенгардъ, Бурвальде и нижней Хортицы. Мы направились по старому Днѣпру, или Рѣчищу. Тотъ-часъ при входѣ въ Рѣчище, у лѣваго берега Хортицы, я увидѣлъ небольшую разщелину и обратился къ одному изъ своихъ спутниковъ съ разспросами о ней. Спутникъ отвѣчалъ, что это пещера запорожская, что названiе ея " Змiева ", а называется она такъ отъ того, что въ ней водилось много змѣй.

Я полюбопытствовалъ спросить, пытался-ли кто пролѣзть въ эту пещеру.

— А вже-жъ! отвѣчалъ мой спутникъ. Годъ симдесять тому назадъ, у цiй пещери нашли жертку, довгу та товсту таку, а на жертци десятокъ або два хамутивъ, зъ десятокъ недоуздивъ,—усе, кажутъ, запорожське; такъ погнухло все: якъ визьмешся, такъ воно й сыпетця; такъ усе и попадало.

Я скомандовалъ подвернуть къ пещерѣ, и лодка тотъ часъ-же причалила къ берегу. Пещера оказалась въ гранитномъ откосѣ лѣваго (островнаго) берега Рѣчища; она на столько возвышалась надъ уровнемъ воды, что безъ вспомогательныхъ средствъ къ пей не было никакой возможности докарабкаться. Тогда мы рѣшили сдѣлать такъ: я долженъ былъ стать обѣими ногами на плечи дѣду и такимъ образомъ добратъся до пещеры, самъ же дѣдъ долженъ былъ укрѣпить возлѣ берега весло и по немъ долѣзть до пещеры. ¹

¹⁾ Григорiй Спасскiй. Книга глаголемая Большой Чертежь. Москва. 1846 г., стр. 258, прим. 125.

Къ послѣднее способу прибѣгъ и учитель Дешка. Скоро мы взлѣзли, зажгли свѣчу и нашимъ взорамъ представилось довольно просторное углубленіе на подобіе корридора. Привыкши къ точности, я тотъ-часъ же прибѣгъ къ измѣренію: пещера оказалась высоты двѣ сажени, длины больше трехъ, полъ каменный, но засыпанный пескомъ, по-верхъ котораго набросаны были колюки «якирьци»; въ пещерѣ было множество комаровъ и мошекъ. Въ самомъ концѣ ея зіяла яма, изъ ямы же выдавались острые камни. Мы рѣшились спуститься и въ яму; испытавъ, что въ сапогахъ, по скользкимъ камнямъ далеко неудобно лазить, мы сняли сапоги и начали спускать одинъ другаго, при помощи веревки, въ яму. Яма оказалась глубокая, къ тогу нѣсколько удлиненная и засыпанная много пескомъ; кромѣ птичьихъ гнѣздъ да тѣхъ-же колюкъ—«якирьцивъ» въ ней ничего не оказалось; говорятъ, впрочемъ, что въ очень недавнее время пещера служила мѣстопробываніемъ особенно большой змѣи, но мы не видали ея и благополучно вылѣзли изъ ямы, оставивъ затѣмъ и самую пещеру. Спускаясь ниже по Рѣчищу, я поражаюсь необыкновенною высотой и скалистостью его береговъ; особенно величественъ берегъ лѣвый; онъ, какъ и правый, состоитъ изъ дикаго гранита, мѣстами спускающагося къ водѣ громадными террасами, мѣстами выдѣляющаго изъ себя огромнѣйшіе, очень острые отроги, мѣстами же представляющаго какъ-бы сплошную отвѣсную стѣну, возвышающуюся надъ уровнемъ водъ до 30 сажень. Издали берега рѣки кажутся черными массивной величины стѣнами, камни шпорой какъ бы давятъ одинъ другаго. Ничего подобнаго во всю свою жизнь я не видывалъ. Здѣсь Днѣпръ кажется такимъ дикимъ, грознымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ величественнымъ и обаятельнымъ, что невольно приковываетъ вниманіе и взоръ чловѣка, вселяя въ него въ одно время и страхъ къ себѣ, и какое то священное благоговѣніе... Но вотъ мы стали огигать сѣверный уголь острова, особенно выдавшійся въ Днѣпръ. Я спросилъ моего спутника о назваіи этого мыса и онъ отвѣчалъ: «Свиняча голова», пояснивъ притомъ, что и въ самомъ дѣлѣ мысъ похожъ на голову свиньи. Мы миновали и «Свинячу голову», спустились еще ниже. Вездѣ берега скалисты и высоки, особенно-же лѣвый. Спустились еще ниже; тутъ, съ правой стороны, надъ самымъ берегомъ рѣки, я увидѣлъ заливъ и у него небольшое жильє. Чичероне мой замѣ-

тиль, что это «Царьска пристань», но отъ чего такъ называется, отвѣта дать не могъ. И не мудрено. Дѣло въ томъ, что наименованіе это идетъ, какъ кажется, съ довольно давняго времени, и именно если не съ 1738 г., то съ 1790 года. Въ 1738 году здѣсь стоялъ царскій флотъ, «россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, много время стояла¹⁾», а въ 1790 году здѣсь останавливались царскіе плоты съ разнымъ лѣсомъ, который русское правительство присылало нѣмцамъ-колонистамъ во время переселенія ихъ въ бывшія запорожскія земли. «Настоящимъ именемъ своимъ, говоритъ Врунь, эта мѣстность (Царская пристань) обязана, конечно, тому обстоятельству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де-Рибасомъ въ 1796 г. такъ называемая Екатеринославско-днѣпровская верфь, назначенная для содержанія судовъ, чтобы перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь²⁾). Такова причина названія пристани Царскою. Что касается жилья, расположеннаго возлѣ пристани, то это небольшой поселокъ или хуторъ, принадлежавшій прежде еврею Саксаганскому, а потомъ перешедшій во владѣніе двухъ нѣмцевъ, Роднера и Тиссена.

Отъ Царской пристани мы спустились ниже; берега рѣки постепенно опускались: слѣва тянулся тотъ-же островъ, справа шла земля колоніи Верхней Хортицы. Подвигаясь еще ниже, я увидѣлъ, съ лѣвой стороны, на берегу острова Хортицы, устье Куцой балки, а съ правой, отъ материка, мысъ Рогозы. Здѣсь мы пристали къ берегу; я вышелъ на материкъ и глазамъ моимъ представился цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія состоятъ изъ рововъ, нѣкогда глубокихъ, но теперь на половину засыпанныхъ пескомъ, съ осунувшимися, но когда-то также высокими валами, расположенными звѣздообразно, въ водѣ ломанныхъ линій. Пройдя предварительно по всѣмъ укрѣпленіямъ, мы затѣмъ прибѣгли къ промѣру ихъ: оказалось, что весь кругъ укрѣпленій состоитъ изъ пятнадцати канавъ и равняется тремъ стамъ пятидесяти пяти саженямъ, причемъ первая канава (если стать лицомъ къ западу и взять правую сторону укрѣпленія) равняется сорока пяти саженямъ, вторая пятнадцати, третья девяти, четвертая сорока, пятая двѣ-

¹⁾ Мышецкій, Исторія о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 68.

²⁾ Врунь, Черноморье, т. II, стр. 305.

надцати, шестая десяти, седьмая двадцати, осьмая семи, девятая семнадцати, десятая и одиннадцатая четырнадцати, двѣнадцатая восьмидесяти шести, тринадцатая пятидесяти четыремъ, четырнадцатая пяти и наконецъ пятнадцатая двадцати саженьмъ. Въ срединѣ укрѣпленія имѣють множество ямокъ, а по угламъ ихъ—квадратныя батареи, изъ которыхъ каждая сторона имѣеть шесть саженей длины и состоитъ изъ канавы съ валомъ въ одну сажень высоты, съ пропускомъ, съ восточной стороны, для входа. Все укрѣпленіе расположено такъ, что концы сѣверной и южной линій его упираются въ самую рѣку, пропуская чрезъ середину дорогу, ведущую сперва на паромъ черезъ рѣку, а потомъ на островъ Хортицу.

Кто-же сооружалъ эти укрѣпленія?

Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ; можно думать лишь, что сооруженіе ихъ принадлежитъ тѣмъ лицамъ, съ именами которыхъ связано и устройство самой сѣчи на Хортицѣ,—это князь Д. И. Вишневецкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, который своимъ именемъ далъ названіе цѣлому урочищу на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ колоніи Кичкаса, между "Средней" скелей и "Попилищемъ" Сагайдака¹).

Мы оставили укрѣпленія и пустились опять внизъ по рѣкѣ, держась все того-же направленія, съ сѣвера на западъ. Скоро мы миновали устье балки Наумовой, идущей съ острова къ лѣвому берегу рѣки, прошли мѣсто переправы (Ueberfahft) черезъ рѣку съ материка на островъ ²), оставили устье балки Громушиной, идущей отъ острова къ рѣкѣ, и наконецъ очутились у небольшого островка Канцеровскаго. Островокъ находится почти у самага берега рѣки съ правой стороны и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой; длина Днѣпра отъ сѣверо-восточнаго угла Хортицы къ острову Канцеровскому равняется двумъ съ половиной верстамъ. Островъ Канцеровскій существуетъ съ давняго времени; онъ былъ извѣстенъ уже Эриху Лассотѣ, только подъ именемъ острова малой Хортицы.

«Мы пристали, говорить Лассота, къ берегу (Днѣпра) ниже близъ ^{1 2}

¹) См. также Сбор. юго-зап. отд. г. геогр. общ. Драгоманова. Малор. пред. и рассказ., стр. 415.—Въ старину по урочищу Сагайдачному, по рассказамъ старожиловъ, пролегаль шляхъ Сагайдаковъ, вѣтъ Муравскаго.

²) На берегу острова устроенъ для перевозчика небольшой домикъ.

лежащаго острова малой Хортицы... Близъ сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ » ¹⁾).

По разсказу старика Осипа Шута, Канцеровскій островъ былъ совсѣмъ маленькій: «одна скеля, а на нѣй крепость. По-за нимъ видъ праваго берега (отъ материка) бувъ тиховодъ и вода далеко вривувалась въ балочку. Въ цимъ тиховоди була пристань, куды запорожци заводили свои байдаки; тутъ-же иподи стояли и царьски судна. Тутъ, якъ-бы ставъ копати землю, то ще й теперъ цайшовъ бы стари судна. Тамъ затоплени и царьски, и запорожьски. Ще й я зазнаю, якъ писля великой воды багато вымыло зъ-пидъ писку судивъ. А изъ самой воды, оце якъ хто пирне, то й вытягне або рушныцю, або списъ, або яке зализо" ²⁾).

Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ видѣ острова, я рѣшилъ объѣхать сперва весь островъ кругомъ и затѣмъ уже дѣлать изслѣдованія на немъ самомъ. Мы скоро объѣхали островъ и высадились на сѣверо-восточномъ углу его. Островъ оказался раздѣленнымъ на двѣ части: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, и возвышенную, поросшую травой, на востокѣ. Всей земли подъ островомъ—двѣнадцать десятинъ и тысяча двѣсти квадратныхъ сажень; западный и южный края острова отлоги, а восточный и уголь сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны; средняя высота ихъ отъ уровня водъ до семи сажень. Возвышенная часть острова имѣеть укрѣпленія по сѣверной, южной и западной окраинамъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпными валами, отъ двухъ до трехъ сажень высоты; въ общемъ видѣ укрѣпленія имѣють форму полу-круга или, точнѣе, подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣють по сорока сажень, а западная пятьдесятъ шесть, съ пропускомъ въ три сажени для вѣзда; внутри укрѣпленій находится до двадцати пяти глубокихъ ямокъ, по которымъ растутъ деревья. Спрашивается: кто-же сооруджалъ укрѣпленія здѣсь, на Малой Хортицѣ? Если укрѣпленія, сдѣланныя на материкѣ, возлѣ Царской пристани, могутъ быть приписываемы одинаково какъ князю ^{1 2}

¹⁾ Но Мышецкому это Сухая, Великая в Нижняя Хортицы; въ настоящее время рѣчекъ этихъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ есть только сухіе овраги.

²⁾ Изъ преданій, записанныхъ Л. П. Новицкимъ.

Димитрію Ивановичу Вишневецкому, такъ и гетману Петру Копашевичу-Сагайдачному, то тоже можно сказать и относительно укрѣпленій на островѣ Канцеровскомъ или Малой Хортицѣ. «Ми при-стали, говорить Лассота, къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построень замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами " ¹⁾. Здѣсь Лассота не говоритъ о Сагайдачномъ, но это потому, что Сагайдачный пребывалъ на островѣ позже Лассоты.

Но оставивъ и островъ Канцеровскій, мы спустились еще ниже, держась все того-же направленія, съ сѣвера на югъ. Предъ нами промелькнули слѣва устья балокъ: Каракайки, Генеральской, Широкой и Корпѣйчихи; справа земли колоній: Канцеровки (Розенталь), Розенгардъ, Бурвальдъ и Нижней Хортицы, среди-же самой рѣки мы оставили небольшой Корнетовъ островъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ концу острова, тѣмъ большая замѣчалась разница въ характерѣ мѣстности: русло рѣки, дотолѣ узкое, значительно расширяется; берега ея, до этихъ поръ скалистые и возвышенные, становятся отлогими, потомъ низменными и наконецъ переходятъ въ такъ называемыя плавни, т. е. низменныя мѣста, покрытыя травой и поросшія мягкой породы деревьями, какъ-то: осокоремъ, красной лозой, ивами и другими.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались къ самой оконечности южной части Хортицы. Здѣсь мы пристали къ берегу и вышли на островъ. Оказалось, что южная часть острова шире сѣверной, но за то значительно ниже ея; она обилуетъ многими озерами, покрыта высокой болотистой травой и разными деревьями, начиная отъ ивняка и кончая дубомъ. Въ общемъ это ни что иное, какъ очень большая плавня. Видъ отсюда на рѣку открывался величественный. Долго я любовался имъ, пока не приглашень былъ своими спутниками къ лодкѣ. Мы усѣлись и проплыли въ Новый Днѣпръ. Теперь путешествіе наше было затруднительно, такъ какъ намъ нужно было плыть противъ теченія.

— Приминайте, паничу: остривъ Просередъ, Капральскій Просередь! сказалъ сопровождавшій меня старикъ.

¹⁾ Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53.

Я осмотрѣлся и дѣйствительно увидѣлъ небольшой островъ, наносный, песчаной формаціи, расположенный ближе къ острову, нежели къ материку, противъ устья балки Проризной, идущей съ острова. Мы поднялись выше. Справа показалась Александровская пристань, слѣва высокій мысъ.

— Ото вамъ "Нижча голова", замѣтилъ дѣдъ и для ясности прибавилъ:

— Отто-жь була вамъ Высча, або Свиняча голова, видъ горы, а ця буде Низча голова, бо вѣдъ низу.

— Добре, диду! понимаю, отвѣчалъ я.

Мы поднялись еще выше, миновавъ съ лѣвой стороны на островѣ устья балокъ: Корніевой, Липовой, Костиной, Башмачки и Шанцевой, а съ правой на материкѣ деревню Слободку, село Вознесенку и среди рѣки островъ Разстебинь.

Дѣдъ пояснилъ мнѣ, что это островъ недавній, что ниже его былъ другой островъ, называвшійся Дубовымъ, но что отъ него и слѣдовъ теперь не осталось.

— Какъ-же такъ? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— А такъ, вода пидмыла, отвѣчалъ дѣдъ; тутъ це не диковина: оце стоить сколько литъ остривъ, коли гляди и загувъ за водою. На дубовимъ острови бувъ и лисъ, та ще великій, саме дубья, бувъ и шинокъ, и млинъ, такъ усе пишло за водою. Велику силу мае вода. Мабуть, годъ бильше десяти назадъ тому було. А великій остривъ бувъ: верстовъ зъ дви довжины.

Послѣ изъ плана, находящагося въ хортицкомъ волостномъ правленіи, я удостовѣрился, что такой островъ дѣйствительно былъ и что на немъ значилось 64 дес. земли.

— Вотъ ужъ гдѣ непримѣнимо понятіе о *недвижимой* собственности, подумалъ я.

Отъ Разстебина острова мы поднялись еще выше; скоро, вдоль лѣваго берега Днѣпра, на восточной окраинѣ острова Хортицы, мы увидѣли нѣсколько домиковъ нѣмцевъ-колонистовъ; они расположены въ ложбинѣ, искусственно углубленной и довольно живописной; множество вѣтвистыхъ, густо насаженныхъ вербъ, росшихъ у самага берега рѣки, не позволяло мнѣ ясно рассмотреть нѣмецкія обиталища. Мы поднимались выше и скоро миновали Мартынову скелю, или мысъ, устья Ганновской, Малой Вербовой и Большой Вербовой

балокъ съ лѣвой стороны, на островѣ, Скотивскую, Великую скели или мысы и устье Блуквы балки, съ правой стороны, отъ материка, Но поднявшись еще немного вверхъ, мы добрались до мыса или скели Вошивой, съ лѣвой стороны, отъ острова.

— Ото вамъ, говорилъ дѣдъ, свели Мартынова, друга Скотивська, а третя Вошива.

На вопросъ мой о происхожденіи сказанныхъ названій дѣдъ пояснилъ:

— Мартынова скеля видъ нимця Мартына: тутъ, противъ самой скели була у нѣго хата; такъ-то спершь усе казали: «скеля проти Мартиновой хаты », а потомъ уже прямо: "Мартинова скеля". А Скотивська, то ця вже видъ запорожца: Скотивецъ запорожець живъ коло неї. У нѣго товару (рогатаго скота) була сила; якъ пригоне было ёго на водопой до Днипра, такъ Днипро ажъ стогне... Багатіиия бувъ той Скотивецъ. Та довго, кажуть, и живъ винъ тутъ, уже якъ и запорожцивъ порозгонили видциля, а винъ усе живе та живе соби. Усякаго було й прійме до себе: хто видкиль не визьметця, усе до нѣго: винъ ёго сперше нагодуе, а потимъ и роботу найде. У слави великій бувъ Скотивецъ; отождь одъ ёго и скеля Скотивською зветця, и балка Скотивська е.

— А Вошива? спросиль я наконецъ.

— Тутъ, пробачайте, кажуть, запорожська голота нужу свою прудила, такъ одъ того й скелю такъ назвали.

Поднявшись еще выше отъ Вошивой скели, мы увидѣли, съ лѣвой стороны отъ острова, устья балокъ Молодняги, Холодной, Совутиной съ мысомъ того-же имени, скалу Пристинь съ правой стороны, и добрались до острова Дубоваго. Относительно Совутиной балки и скалы дѣдъ далъ характерное объясненіе, указывающее на то, что здѣсь было жилище какого-то разбойника.

— Балакають, шо то видъ запорожца Совуты. Противъ скели, у бальци, е богато печерь; у тихъ печеряхъ винъ и живъ. Страшный, кажуть, бувъ Совута той: очи въ ёго таки, якъ у совы, що въ ночи лучче бачать, якъ у день; у день, кажуть, винъ и не выходивъ изъ своихъ цечерь,—тилько якъ ничъ настане, такъ вы-

скоче, ухопе, шо ёму треба, та впьять у свою нору и порииа паче той звирь.

Добравшись отъ мыса Совуты до песчаной косы, у сѣверо-восточнаго угла острова, откуда мы и начали свой обходъ вокругъ, мы затѣмъ поворотили назадъ и пристали къ острову Дубовому. Любопытно было взглянуть па этотъ островъ. Островъ оказался небольшою; длина его едва доходить до одной версты; онъ на половину каменистый, на половину песчаный; вершина его покрыта невысокими деревьями, осокорнякомъ и шелюгой. Недавно, говорятъ, здѣсь росли и дубы; до 1845 года на островѣ видны были остатки отъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь укрѣплений, смытыхъ потомъ сильнымъ вешнимъ разливомъ рѣки.

Теперь объѣздъ острова конченъ, и я возвратился назадъ, представъ къ берегу острова, противъ середины колоши, нѣсколько выше Мартыновой скели. Здѣсь я отпустилъ своихъ спутниковъ въ село Вознесенку, оставивъ при себѣ только учителя Трофима Евфимовича Дешку, и пѣшкомъ направился къ ближайшему па островѣ дому. То была школа, лучшее зданіе во всей колоніи; она стоитъ па возвышенности, обращенная параднымъ крыльцомъ на востокъ, къ рѣкѣ, и обсажена съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и юга, высокими деревьями; къ пей вела широкая и довольно высокая лѣстница. Мы поднялись по лѣстницѣ. Дверь оказалась запертой. Начали стучать. Долго простучали мы, пока наконецъ не услышали раздавагося въ сѣняхъ скрипа отъ таговъ чего-то, невидимому, очень грузнаго. Шаги приближались къ намъ медленно. Наконецъ это *что-то* подошло къ двери и, не отворяя ее, окликнуло насъ по нѣмецки. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ дверь отворилась, и на порогѣ показался мужчина нѣсколько ниже средняго роста, довольно полный, уже пожилой, съ круглымъ, безъ бороды и усовъ, лицомъ, въ туфляхъ па ногахъ. Это былъ учитель колоніи, Якубъ Якововичъ Купшъ. Я обратился къ нему съ просьбою приютить меня па ночь; но нѣмецъ, подумавши немного, почему-то отказалъ и предложилъ провести меня къ сосѣду его Петкау. Петкау даже не отперъ двери и не откликнулся, не смотря на нашъ стукъ. Что дѣлать? Идти еще къ кому нибудь или расположиться подъ открытымъ небомъ па холодной и сырой землѣ? Я склоненъ былъ па послѣднее.

— Да вы зачѣмъ пріѣхали къ намъ на островъ? спросилъ меня Куппъ. Я объяснилъ ему цѣль моей поѣздки. Куппъ задумался.

— Ну, ужъ знаете, пойдѣмъ-те лучше ко мнѣ, сказалъ онъ наконецъ.

Нечего и говорить, что подобный оборотъ дѣла обрадовалъ меня несказанно. Мы возвратились назадъ, дошли до школы, поднялись по деревянной лѣстницѣ, вошли въ широкія сѣни и наконецъ очутились въ просторной комнатѣ, Studirzimmer (кабинетѣ) Куппа. Обстановка оказалась простая, но она изобличала въ хозяинѣ присутствіе хорошаго вкуса; столъ, стулья, диванъ, гардеробъ все какъ-то пріятно поражало своей новизной и лоскомъ; вездѣ замѣчалась безукоризненная чистота; полъ былъ вымытъ до удивительной бѣлизны. Чувствуя усталость, я тотъ часъ-же усѣлся на диванъ за столомъ,

— Не хотите-ли ѣсть? обратился ко мнѣ Куппъ.

— Да хочу, отвѣтилъ я безъ церемоніи, потому что дѣйствительно хотѣлъ ѣсть.

— Сію минуту прикажу подать вамъ, торопливо проговорилъ хозяинъ.

И точно черезъ минуту на столъ подано било молоко, масло и хлѣбъ. Ужинъ окончился скоро, и я, не смотря на свое утомленіе, вышелъ съ хозяиномъ посидѣть на крыльцѣ.

Ночь была теплая и тихая; небо все залито звѣздами; взошедшій высоко мѣсяцъ обливалъ всю окрестность своимъ мягкимъ свѣтомъ, передъ нашими глазами разливался Днѣпръ длинною, широкою полосою; онъ былъ совершенно спокоенъ, какъ-бы недвижимъ; отъ праваго берега его, покрытаго сплошною стѣной высокихъ зеленѣющихъ деревьевъ, вѣяло освѣжительной прохладой; отъ лѣваго берега его, совершенно обнаженнаго, усѣяннаго неимоверной величины скалами, то высоко вверхъ поднимающимися, то нависающими надъ водой или далеко выдающимися въ рѣку, вставали какія-то длинныя и причудливо-фантастическія тѣни, ложившіяся темными пятнами въ широкой рѣкѣ. Никого и ничего не видно, кромѣ большихъ лѣсныхъ илотовъ, которые длинною полосой протягивались вдоль лѣваго берега рѣки, остановленные на время ночи; только по плотамъ и то кое-гдѣ промелькнетъ темная фигура литвина, оставляющая отъ себя въ водѣ обликъ человѣка внизъ головою и къ верху ногами; только кое-гдѣ, па томъ-же плоту, вспыхнетъ

огонь на разложенныхъ кострахъ, погорить - погорить и опять затухнуть... Повсюду тишина. Общее безмолвіе нарушается только отрывистыми звуками рѣчи да заунывной короткой пѣснью какого нибудь парня изъ тѣхъ-же литвиновъ... Словомъ, то была картина широкая, величественная, полная прелести и очарованія. Во всемъ этомъ было что-то такое, что влекло къ себѣ и мою мысль и мое сердце...

Слѣдующимъ днемъ я поднялся съ восходомъ солнца и тотчасъ-же отправился на экскурсію. На этотъ разъ я поставилъ себѣ задачу осмотрѣть сѣверную часть острова, дѣлящагося по самой природѣ на сѣверную, среднюю и южную части. Меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ Куппъ. Пройдя съ поль-версты, половину пространства, занимаемаго всей колоніей, отъ школы до дома колониста Давида Янцена, мы сразу выбрались на песчаную возвышенную мѣстность, черезъ которую пролежала широкая дорога. Быстро зашагали мы по дорогѣ: очень скоро миновали балки Малую Вербовую, Большую Вербовую; прошли еще съ версту и наконецъ увидѣли цѣлый рядъ укрѣпленій (Schanzengraben). Рѣшено было сперва пройти по всѣмъ укрѣпленіямъ, чтобы составить себѣ общее представленіе объ нихъ, а потомъ уже прибѣгнуть къ измѣренію. Трудъ былъ немалый. Дѣло въ томъ, что длина всѣхъ укрѣпленій, если растянуть ихъ въ одну прямую линію, простирается, какъ оказалось, болѣе, чѣмъ до двухъ съ половиною верстъ: до 1,455 сажень. Общій видъ ихъ напоминаетъ форму неправильнаго квадрата, состоящаго изъ одиннадцати батарей, соединенныхъ между собою тринадцатью траншеями и расположеннаго какъ разъ въ сѣверо-восточномъ углу острова. Сами батареи представляютъ изъ себя небольшіе квадраты, въ которыхъ каждая сторона состоитъ изъ высокой землянной стѣны, доходящей до десяти сажень, причемъ одна изъ сторонъ, обыкновенно сѣверная или западная имѣетъ отверстіе, какъ видно, для входа; въ срединѣ батареи, внутри, выкопаны одна, двѣ, а иногда три и больше, ямки, быть можетъ, имѣвшія значеніе землянокъ для помѣщенія въ нихъ войска. Всѣхъ такихъ батарей въ сѣверной части острова восемнадцать. Траншеи представляютъ изъ себя большіе рвы съ насыпными при нихъ высокими валами, соединяющими каждую изъ батарей; наибольшая длина рвовъ—полтораستا сажень, наименьшая восемьдесятъ пять;

maximum глубины рововъ два аршина, *maximum* высоты валовъ полторы сажени. Съ юга укрѣпленія начинаются непосредственно отъ Днѣпра и идутъ по направленію отъ востока къ западу, отъ Вошивой свели къ парому; они состоятъ изъ трехъ траншей, соединенныхъ между собою столькимъ-же числомъ батарей; изъ нихъ первая траншея имѣетъ длины сорокъ пять саженой, а вторая и третья по сто пятнатцати. За третьей батареей линія траншей раздѣляется на двѣ, при чемъ первая идетъ къ юго-западу, къ балкѣ Каракайкѣ, и состоитъ изъ трехъ батарей, связанныхъ тремя траншеями, одна во сто, другая въ семьдесятъ и третья въ восемьдесятъ саженой длины, а вторая направляется къ сѣверо-западу, къ балкѣ Громушиной, и состоитъ изъ двухъ батарей съ одной траншеей, въ сто десять саженой длины. Но давъ отъ себя двѣ побочныя линіи, на сѣверо-востокъ и на юго-западъ, главная (восточная) линія даетъ еще и третью: прямо съ юга на сѣверъ; эта третья линія состоитъ изъ шести батарей, соединенныхъ между собою пятью траншеями ¹⁾, изъ коихъ три сохранились вполнѣ, а двѣ только отчасти; при чемъ первая и третья траншеи имѣютъ по сто пятидесяти саженой длины, четвертая ровно сто, пятая восемьдесятъ, шестая также сто ²⁾. Шестою батареей эти укрѣпленія и оканчиваются. Отъ сѣверной окраины острова, по направленію съ запада на востокъ, укрѣплений нѣтъ; они начинаются уже на другомъ, восточномъ, концѣ острова, по направленію съ сѣвера на югъ: здѣсь насыпаны четыре батареи, соединенныя столькимъ-же числомъ траншей, по полтора саженъ каждая. Восточная линія укрѣпленій стоитъ особо отъ южной и западной, не соединяясь ни съ той, ни съ другой и прерываясь менѣе, чѣмъ на половинѣ всей восточной окраины острова.

Такова общая схема укрѣплений въ сѣверо-восточномъ углу острова. Къ укрѣпленіямъ-же надо причислить и тѣ многочисленныя глубокія ямы, которыя расположены частью за чертой укрѣплений, частью-же внутри, и которыя служатъ признаками бывшихъ ^{1 2}

1) Была и шестая (по порядку *вторая*) траншея, имѣющая 150 сажень, но теперь она засыпана пескомъ.

2) Пятая и шестая траншеи на половину также засыпаны пескомъ; прежде пятая имѣла 100 сажень, а шестая 150.

здѣсь нѣкогда землянокъ. Ямы, расположенныя за чертой укрѣпленій, тянутся по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, вдоль батарей и рововъ въ два ряда и большею частью попарно, причемъ промежутки между каждою парою равняется двумъ саженьямъ, также какъ и самый діаметръ пространства, занимаемаго каждой изъ ямъ. Кромѣ ямъ, расположенныхъ непосредственно возлѣ батарей и траншей, есть ямы, которыя находятся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ укрѣпленій, у западной окраины острова; эти ямы слѣдуютъ въ безпорядкѣ одна за другой, но за то онѣ и глубже и шире предшествующихъ. То-же самое можно сказать и относительно ямъ, расположенныхъ внутри укрѣпленій; число ихъ заходитъ за сто, но всѣ онѣ расположены очень неправильно и въ однихъ мѣстахъ нисходятъ до глубины сажени и болѣе того, а въ другихъ значительно менѣе этого. На сколько можно судить по ямамъ, сѣверная часть острова населена была всего болѣе съ восточной и западной сторонъ и только отчасти съ южной, сѣверная-же сторона не носить на себѣ никакихъ слѣдовъ жилья. Видно также, что землянки, если только это были онѣ, располагались болѣе въ скрытыхъ мѣстахъ: балкахъ, углубленіяхъ, скалахъ, загроможденныхъ камнями и защищенныхъ деревьями; замѣтно также, что изъ двухъ населеннѣйшихъ сторонъ, восточной и западной, послѣдняя имѣла больше жильевъ, нежели первая, такъ какъ и до сихъ поръ на западной окраинѣ насчитывается 225 ямъ, кромѣ засыпанныхъ пескомъ, а на восточной 171.

Кто-же былъ виновникомъ сооружения оставшихся теперь на островѣ Хортицѣ укрѣпленій?

Можно думать, что починъ сооружения названныхъ укрѣпленій принадлежитъ сперва князю Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, какъ въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописца ¹⁾ и слова посланника Эриха Лассоты ²⁾. Но кромѣ Вишневецкаго, на островѣ Хортицѣ дѣлали укрѣпленія еще Яковъ Шахъ ³⁾, затѣмъ гетманъ ¹

¹⁾ Русск. лѣт. по Никон. списку. Спб., 1791 г., стр. 272 и 273

²⁾ Путевыя записки Эр. Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53. См. также Карамзина Истор. госуд. рос. Спб., стр. 262; Бантышъ-Каменскій. М. 1842 г., томъ II, стр. 113; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, М. 1842 г., стр. 1, 45.

³⁾ Яковъ Шахъ, сперва генеральный есаулъ, а потомъ, съ 1582 года, гетманъ малорусскихъ Козаковъ.—Семеновъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1874 года, томъ I, стр. 71.

малорусскихъ Козаковъ и кошевой атаманъ запорожскихъ, Петръ Канашевичъ-Сагайдачпый въ 1618 и 1620 году ¹⁾ и русскія войска въ 1738 году. «Въ 1738 году на Хортицкомъ островѣ сдѣланъ отъ россиянь великій ретраншементъ, со многими редутами и флешами, на которомъ російская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, долгое время стояла» ²⁾.

Кромѣ батарей, траншей и ямокъ въ той-же сѣверной части острова есть еще четыре кладбища, по преданію оставшіяся отъ времени пребыванія здѣсь запорожскихъ Козаковъ. Одно изъ такихъ кладбищъ находится у восточнаго берега острова, надъ балкою Велика Молодняга, другое въ сѣверо - западномъ концѣ острова, надъ крутизной Рѣчища, третье и четвертое съ западной стороны, между Куцой балкой и переправой черезъ тоже Рѣчище на островъ.

Уже высоко поднялось солнце, когда мы оставили укрѣпленія и направились вдоль береговъ той-же сѣверной части. Но и берега пройдены; осталось сдѣлать нѣсколько экскурсій отъ береговъ къ укрѣпленіямъ, въ разныхъ направленіяхъ. Окончено и это. Оказалось, что вся сѣверная часть острова довольно возвышенна, особенно въ сравненіи съ южной, камениста и малолѣсна; деревья растутъ здѣсь то въ одиночку, то кустами и большею частью состоятъ изъ дикихъ грушъ, букса (Buchs-Boum), черноклена, шелюги, боя - рушника и рѣдко дуба. Есть впрочемъ цѣлыя аллеи такихъ деревьевъ; но онѣ растутъ лишь по канавамъ бывшихъ укрѣпленій. Также мало здѣсь и травы; только восточная половина этой части острова покрыта чаберомъ, молочаемъ, царскимъ скипетромъ и зеленымъ мхомъ; сѣверная-же, равно какъ западная и южная, представляютъ изъ себя почти голая песчаная пространства, лишь по мѣстамъ засаженныя красной лозой, называемой здѣсь шелюгой; таково, папримѣръ, большое песчаное пространство за южной и западной чертами укрѣпленій. Но за то, сравнительно съ другими частями острова, сѣверная часть представляетъ изъ себя едва-ли не самое величественное мѣсто па всемъ Днѣпрѣ, кромѣ развѣ весьма немногихъ мѣстъ между порогами на островахъ. Если стать па восточной окраинѣ сѣверной части острова и взглянуть вверхъ ^{1 2}

1) См. выше указанія.

2) Мышецкій. Ист. о запорож. коз. Одесса, 1852 г., стр. 68.

вдоль рѣки, то картина представится по истинѣ обворожительная. Вотъ прямо среди рѣки, невдалекѣ отъ береговъ острова, высятся массивныя скалы "Столпы" и "Стоги", а за ними выдвигаются громадныя выступы "Дурна" и "Середня"; еще далѣе, справа, виднѣются верхушки зеленѣющихъ деревьевъ, исполиновъ дубовъ,— то урочище Сагайдачное, а слѣва выплываетъ, въ видѣ длинной ярко-зеленой ленты, колонія Кичкасъ, иначе Эйнлаге. Самый Днѣпръ имѣетъ здѣсь неизъяснимую прелесть: въ началѣ, освободившись отъ пороговъ и вырвавшись изъ узкаго русла у Кичкаса, онъ со страшною силою ударяется о гранитныя острова и мысы, и шумить и бурлить и высоко вздымается, а затѣмъ, разлившись на множество струй, начинаетъ мало-по-малу принимать спокойный видъ, дѣлается чистымъ, какъ хрусталь, свѣтлымъ, точно золото и вмѣсто стона и рева издаетъ какой-то пріятный мелодичный звонъ. Но еще больше величія являетъ изъ себя Днѣпръ, когда взойдешь па одинъ изъ кургановъ острова и взглянешь па ближайшія окрестности. Языкъ нѣмѣетъ отъ восторга, душа наполняется благоговѣніемъ къ Тому, Кто сложилъ природу въ такой прекрасный узоръ...

Осмотрѣвъ сѣверную часть острова, я рѣшилъ возвратиться на этотъ разъ въ колонію, тѣмъ болѣе, что и спутникъ мой Якубъ Якубовичъ Куинъ давно уже подавалъ намеки на эту мысль. Скоро мы вышли на открытую дорогу и зашагали.

— А что, Якубъ Якубовичъ, давно-ли поселились ваши колонисты на Хортицѣ?

— О, да! Еще съ 1789 года.

— То есть, это, стало быть, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Запорожской Сѣчи.

— Ну, ужъ этого я не знаю, знаю только 1789 годъ.

— И много поселилось здѣсь вашихъ колонистовъ?

— Восемнадцать хозяевъ.

— Вы говорите хозяевъ: почему-же не дворовъ?

— Да потому, что у насъ счетъ ведется не но дворамъ, какъ у русскихъ, а по хозяевамъ, а хозяевами у насъ называются тѣ, которые имѣютъ, кромѣ домовъ и дворовъ, еще и землю; земля самое главное и безъ нея хоть имѣй и домъ, и дворъ, и скоть, а хозяиномъ не будешь считаться; «безземельные»—вотъ какъ у насъ такіе называются.

— Такъ. Скажите-же, пожалуйста, много-ли на вашемъ островѣ въ настоящее время хозяевъ?

— И прежде было восемнадцать, и теперь столько-же.

— Какъ это тако.?

— А вотъ какъ; у насъ пока живъ отецъ, онъ не дѣлитъ своей земли между сыновьями; въ случаѣ-же его смерти, вся земля поступаетъ старшему сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, которое оставилъ имъ отецъ. Бываетъ, что и эти сыновья получаютъ землю отъ отца, но такая земля приобрѣтается самимъ отцомъ гдѣ нибудь на сторонѣ.

— А какъ обширна ваша колонія?

— Вся площадь нашего острова, по плану, 2,547 десят. 325 саж., а линія, которую протянулись наши поселенія, равняется 870 саж., выходитъ почти двѣ версты; съ сѣвернаго конца крайній домъ Давида Янцена, а съ южнаго Абрама Петкау.

— А не знаете-ли вы, чему равняется окружность острова?

— Окружность острова равняется двадцати съ половиной верстамъ,—такъ у насъ показано на планѣ; видите-ли, въ длину каждая сторона острова имѣетъ по десяти верстѣ, да въ ширину одна двѣ съ половиной, а другая двѣ, итого двадцать четыре съ половиною версты.

Здѣсь разговоръ нашъ прекратился: мы дошли до самой школы. Измѣненіе укрѣпленій и затѣмъ разговоръ во время пути заняли насъ такъ, что мы совсѣмъ позабыли о пищѣ; но теперь, когда вошли въ комнату, желудокъ сразу-же заявилъ о своихъ правахъ. Хозяйка не заставила себя долго ждать, и скоро па столѣ показались: ветчина, молоко, сыръ, хлѣбъ, супъ, жаркое и кофе. Изъ всего этого меня занялъ особенно супъ. Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы. Чего въ этомъ супѣ не было? Молоко, мука, изюмъ, говядина, вода, вишни и еще что-то такое неуловимое—все это составляло супъ, или, лучше сказать, снадобье, котораго непривыкшему человѣку и въ ротъ нельзя было взять. Хозяинъ нѣмецъ уплеталъ его съ удивительнымъ аппетитомъ, а я только глядѣлъ на него.

— Что-же вы не кушаете супу? спросилъ онъ меня.

— Благодарю васъ; я какъ-то усталъ, отвѣчалъ я, не желая сказать правду.

— Вамъ вѣрно нашъ супъ не нравится? Вы благородный чело-
вѣкъ, замѣтилъ хозяинъ.

Чтобы успокоить его, я занялся другими яствами, которыя больше приходились мнѣ по вкусу; особенно вкуснымъ мнѣ показался кофе. Но обѣдъ оконченъ, въ комнату вошла хозяйка. Я началъ благодарить ее, но забывъ, что я нахожусь въ нѣмецкой колоніи, заговорилъ по русски; нѣмка смотрѣла на меня спокойно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчала мнѣ; оказалось, что она ни одного слова не знаетъ по русски, не смотря на то, что прожила на островѣ уже чуть-ли не пятьдесятъ лѣтъ.

— Ich danke sehr, madam, поправился я тогда.

— Ich bitte, Herr, отвѣтила мнѣ хозяйка.

За обѣдомъ послѣдоваль короткій отдыхъ и затѣмъ мы снова отправились осматривать островъ. Теперь мы избрали предметомъ своихъ изслѣдованій среднюю и южную его части. Пройдя нижнюю половину колоніи и поднявшись вверхъ, мы прежде всего наткнулись на огромный дубовый пенъ, въ окружности до трехъ сажень, остатокъ отъ громаднѣйшаго дуба, существовавшаго нѣсколько сотъ лѣтъ, свидѣтеля паденія Запорожской Сѣчи и поселенія здѣсь нѣмцевъ. Еще не такъ давно подъ тѣнистыми вѣтвями дуба часто въ лѣтнее жаркое время, послѣ полевыхъ трудовъ, отдыхали нѣмцы-колонисты. Но вотъ уже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ дубъ засохъ, оставивъ отъ себя лишь одинъ толстый пенъ. Нѣмцы такъ дорожили дубомъ, что и теперь высказываютъ сожалѣніе объ уtratѣ его. «Лѣтъ пять тому назадъ, пишетъ въ 1876 году г. Новицкій, на островѣ Хортицѣ засохъ священный дубъ—эта замѣчательная древность острова—прожившій десятки вѣковъ. Онъ былъ вѣтвистъ и колоссальной толщины; стоялъ онъ въ ста пятидесяти саженьяхъ отъ острова-хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, направленной чрезъ островъ въ длину; въ настоящее время сохранился только пенъ дуба, по которому можно судить о его громадности... Преданіе говорить, что вѣковой дубъ былъ сборнымъ пунктомъ для запорожцевъ, гдѣ собиралась козацкая рада для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; подъ дубомъ когда-то лились и запорожскія молитвы, когда козаки брались за оружіе противъ непріятеля. Въ 1775 году, "по зеленихъ святахъ", запорожцы въ послѣдній разъ отдали честь священному дубу, распили

нѣскольکو бочекъ горѣлки и въ послѣдній разъ отплясали запорожскаго козачка; раздавались пѣсни, лились слезы, козаки прощались, расходясь во все концы—<кто на Динь, кто на тихій Дунай, а кто до ридной осели доживать вику»¹⁾).

Посѣтовавъ у дубоваго пня о невозможности возвратить прошедшаго времени и воскресить умершихъ Козаковъ, чтобы заставить ихъ поразсказать объ ихъ-же собственной жизни, мы поднялись еще выше и здѣсь, взявъ немного вѣлво, наткнулись, какъ и въ сѣверной части острова на цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія находятся на югъ въ полуверстѣ отъ дома колониста Абрама Петкау, и тянутся поперекъ острова, съ востока на западъ, отъ Новаго Днѣира къ Старому или Рѣчищу, или по направленію отъ с. Вознесенки къ колоніи Розенгардъ. Какъ на сѣверной части острова, такъ и здѣсь укрѣпленія состоятъ изъ батарей, соединенныхъ между собой траншеями; разница между тѣми и этими укрѣпленіями состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь укрѣпленія вытянуты въ одну прямую линію и, стало быть, совсѣмъ не такъ сложны, какъ сѣверныя. Всѣхъ батарей здѣсь четыре, траншей три. Какъ въ сѣверной части острова, такъ и здѣсь батарея представляетъ изъ себя правильный квадратъ, каждая сторона котораго равняется десяти саженьямъ; траншея-же представляется глубокимъ рвомъ, который связываетъ батареи и по которому въ настоящее время растутъ разныя деревья. Изъ батарей первая сохранилась наилучшимъ образомъ; она имѣетъ входъ съ восточной стороны и въ самой срединѣ своей вмѣщаетъ яму, имѣющую шесть футовъ глубины и заросшую густымъ глотомъ; какъ и батарея, яма также имѣетъ входъ, съ восточной стороны. Высота валовъ первой батареи не восходитъ больше двухъ сажень, глубина ровъ больше полуторы сажени. За первую батареей слѣдуетъ сперва четы реугольная яма, по величинѣ меньше предшествующей, совсѣмъ почти осунувшаяся и разбитая, а за ямой уже начинается траншея. Траншея тянется на протяженіи ста пятидесяти сажень, въ однихъ мѣстахъ она совершенно разбита, въ другихъ сохранилась хорошо, но заросла деревьями. За траншеей снова слѣдуетъ батарея, такой-же величины, какъ и первая, но ^{1) 1}

¹⁾ Я. Новицкій, Островъ Хортица на Днѣпрѣ, "Одесскій Вѣстникъ" 1876 г., № 55. стр. 2.

только нѣсколько ниже ея; она также имѣеть съ востока входъ и въ серединѣ своей вмѣщаетъ двѣ ямы, въ полторы сажени въ окружности каждая; канавы и ямы заросли деревьями. За второй батареей слѣдуетъ вторая траншея, длиною въ сто сажень, и больше, и лучше первой сохранившаяся и гуще заросшая деревьями. За второй траншеей слѣдуетъ третья батарея, такой-же величины, какъ и первая, по также осунувшаяся, какъ и вторая; въ ней три ямы, по величинѣ меньше предшествующихъ, со входомъ съ той-же стороны. Съ третьей батареей граничить, съ сѣверной стороны, балка Широкая (Rei Lecht). За третьей батареей идетъ третья траншея; она тянется сначала на сто сажень, затѣмъ прерывается, но спустя 60 сажень снова начинается и идетъ на пространствѣ также ста сажень, при чемъ обѣ половины канавы, въ видѣ сплошной густой аллеи, заросли разными деревьями, преимущественно же грушами, берестомъ, чернокленомъ и глотомъ. За третьей траншеей слѣдуетъ четвертая и послѣдняя батарея; она также прекрасно сохранилась, какъ и первая, но вмѣщаетъ въ себѣ три ямы, изъ коихъ двѣ довольно большія и одна нѣсколько поменьше; какъ ямы, такъ и самыя рвы батареи заросли деревьями, тѣми-же грушами, берестомъ, глотомъ и др. Четвертою батареей укрѣпленія въ средней части острова и оканчиваются: дальше, отъ батареи и до берега Старога Днѣпра, или Рѣчица, укрѣпленій никакихъ нѣтъ: окраины острова оканчиваются низкимъ спускомъ, переходящимъ потомъ въ самый берегъ рѣки.

Осмотрѣвъ среднія укрѣпленія, мы направились затѣмъ вправо, къ сѣверу, имѣя цѣлью пройти балку Широкою и выбраться на засѣянные поля. Балка оказалась дѣйствительно широкая изъ всѣхъ балокъ на островѣ; въ устьѣ она покрыта прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, между которымъ растеть высокая трава. Увидя небольшой холмъ подъ вѣтвистымъ дубомъ, я уже готовъ былъ присѣсть на него, чтобы нѣсколько отдохнуть, но Якубъ Якубовичъ рѣшительно воспротивился этому.

— Бы и не думайте здѣсь садиться.

— Почему-же?

— Да потому, что здѣсь водится много змѣй. Недавно показывалась здѣсь страшная змѣя,—сажень до трехъ, говорятъ; она перепугала одного нашего колоннста, да вѣдь какъ? Несчастный лишился

было языка: недѣли двѣ не говорилъ; возили его и къ доктору, ничего не сдѣлалъ; потомъ уже само какъ-то прошло. Какъ онъ спасся отъ нея, Богъ его знаетъ. Колонисты не вѣрили ему, когда онъ рассказывалъ имъ о видѣнномъ имъ страшилищѣ; но вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на ту-же змѣю наткнулся охотникъ съ двумя собаками; одна изъ собакъ бросилась было къ змѣѣ, но была тотъ-же часъ задушена ею; самъ охотникъ растерялся и поспѣшилъ уйти.

Наслушавшись такихъ страховъ отъ Якуба Якубовича, я также постарался поскорѣе выбраться изъ балки. Мы поднялись вверхъ и вышли на ровное, прекрасное поле, колосившееся въ ту пору высокой пшеницей. Здѣсь-же, среди поля, нашему взору представились шестнадцать кургановъ, краснорѣчиво называемыхъ на русскомъ югѣ могилами.

— Не знаете-ли, Якубъ Якубовичъ, спросилъ я моего спутника, много-ли на вашемъ островѣ могиль?

— Всѣхъ могиль на нашемъ островѣ пятьдесятъ семь, отвѣчалъ онъ; но только двѣ изъ нихъ особенно большія, остальные-же и меньше и ниже этихъ двухъ; впрочемъ, прежде и меньшія могилы казались большими, а теперь онѣ какъ-то поосунулись; въ старину на нихъ стояли каменные бабы, чего теперь и не увидишь,—порастаскали. Въ 1882 году одну изъ большихъ могиль раскапывалъ кievскій ученый Беренштамъ; онъ нашель тамъ какія-то металлическія стрѣлки, горшочекъ, гвозди и много кое-чего другаго. Миновавъ могилы, мы прошли вершину Ганновской балки и добрались до кладбища (Kirchhof), гдѣ колонисты погребають своихъ покойниковъ. Солнце давно уже зашло, и мы рѣшили возвратиться къ дому, тѣмъ болѣе, что и ноги уже отказывались служить намъ. Для сокращенія пути мы пошли черезъ огороды колонистовъ и скоро дѣйствительно добрались до жилищъ.

На слѣдующій день мнѣ предстояло осмотрѣть южную часть острова. Вставъ по обыкновенію съ восходомъ солнца, я тотъ же чисъ отправился на поиски. И на этотъ разъ меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ. Мы избрали путь отъ колоніи вдоль лѣваго берега Новаго Днѣпра, къ плавнямъ. Скоро оставили мы за собой колонію, миновали среднія укрѣпленія, балки Шанцевую, Башмачку, Костину, Корніеву, Липову и наконецъ добрались до высокаго

кургана, на которомъ и усѣлись. Спутникъ мой объяснилъ мнѣ, что курганъ этотъ носить въ народѣ названіе Потемкина. Вспомнивъ, что самъ знаменитый князь у запорожцевъ назывался Потемкою, я понялъ, отъ чего курганъ называется Потемкинымъ, а не Потемкинскимъ. Мнѣ хотѣлось однако знать, отъ чего имя князя связано съ курганомъ, и я спросилъ объ этомъ моего спутника.

— Да говорятъ, отвѣчалъ онъ, будто па этомъ курганѣ князь Потемкинъ хотѣлъ построить дворецъ, отъ дворца черезъ островъ провести почтовую дорогу, а черезъ Днѣпръ устроить мостъ. Правда-ли этому, или нѣтъ,—не знаю; но возлѣ кургана росъ садъ, который называли тоже Потемкинымъ. Старые колонисты рассказываютъ, что когда пришли впервые на островъ ихъ дѣды, то застали еще здѣсь какого-то стараго солдата, сторожившаго Потемкинъ садъ; потомъ этотъ сторожъ здѣсь же и умеръ, а садовыя деревья повыкопаны были колонистами для ихъ питомниковъ.

Переданное моимъ спутникомъ преданіе подтверждается и свидѣтельствомъ бывшаго здѣсь въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія В. Зуева, который говоритъ, что на островѣ Хортицѣ « князь Григорій Александровичъ Потемкинъ особое для разведенія и украшенія сада прилагаетъ стараніе » Если это преданіе вѣрно, то нельзя не подивиться вкусу великолѣпнаго князя: мѣсто, облюбованное имъ, во многихъ отношеніяхъ превосходно. Потемкинъ курганъ высоко поднимается надъ поверхностью острова; самый островъ здѣсь гораздо болѣе открытъ, чѣмъ въ сѣверной части, которая далеко не такъ выдается изъ общаго фона поверхности; тамъ самый материкъ если не выше острова, то во всякомъ случаѣ на одномъ съ нимъ уровнѣ. Берега острова противъ Потемкина кургана и не такъ круты, и не такъ недоступны, и не такъ скалисты, обнажены и возвышены, какъ въ сѣверной части острова. Поверхность острова въ этой части носить характеръ не каменистый и песчаный, а степной, представляющій изъ себя весьма удобную планину какъ для сѣнокоса, такъ и для нивъ; а высота ея такова, что отсюда, какъ съ птичьяго полета, видны не только ближайшія поселенія: Вознесенка, Слободка, Александровскъ, Шенвизъ, но и отдаленнѣйшія крестьянскія селитьбы съ ихъ храмами, школами и волостями; ¹

¹) Пут. Зап. СПб. 1787, 261.

тому способствуетъ относительная высота юго-восточной части острова при относительной низменности самага материка противъ него.

Но мы оставили Потемкинъ курганъ, спустились къ скалѣ Нижней Головь и отсюда, пройдя немного по возвышенной части острова, очутились въ плавняхъ. Слѣдуетъ сказать, что въ 2-хъ верстахъ отъ мыса Нижней Головы возвышенная часть острова сразу переходитъ въ низменную, покрытую травой, лѣсомъ и множествомъ большихъ и малыхъ озеръ, что все вмѣстѣ и составляетъ плавни. Есть основаніе предполагать, что плавни эти сравнительно недавняго происхожденія и что образовались онѣ только подъ защитою самага же острова. Дѣло въ томъ, что у нижняго конца острова сходятся оба рукава Днѣпра, раздѣленные выше, у сѣвернаго конца. Но сходясь здѣсь, каждый изъ рукавовъ, несущій своимъ теченіемъ песокъ, иль и корни деревьевъ, здѣсь же и откладываетъ все это, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ рѣка, дотолѣ стремительная, до извѣстной степени умѣряется въ своемъ теченіи.

Какъ каждая изъ другихъ частей,—сѣверная и средняя, служить для колонистовъ источникомъ ихъ пропитанія, такъ и южная доставляетъ для нихъ разный матеріаль, необходимый для всякаго домохозяина и также служить жизненнымъ источникомъ. Дѣло въ томъ, что южная часть острова состоитъ изъ обширной плавни, покрытой большомъ лѣсомъ, изъ дубовъ, осокорей, ивъ, шелюги, обилуетъ разной дичью: дикими гусями, утками, дупелями, коростелями, поросла очень высокими травами, изрѣзана множествомъ озеръ: Лозоватымъ, Прогноемъ, Домахой, Карасевымъ, Подкручнымъ, Головковскимъ, Осоковымъ и другими, которыя обилуютъ разнаго рода рыбами и раками. Таковъ характеръ южной части острова Хортицы. Пробродивъ много времени по берегамъ озеръ, заливовъ, находившись вдоволь по зеленымъ полянамъ и бѣлымъ пескамъ, мы выбрались наконецъ на самую южную окраину острова и здѣсь на берегу, у водъ, усѣлись. Отсюда открывался видъ на Днѣпръ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ.

Раздѣленная до этого мѣста островомъ Хортицей, рѣка отсюда снова соединяется и несетъ свои воды не по узкому жолобу, а по широкому, размашистому руслу, усыпанному крупнымъ пескомъ. Теченіе рѣки здѣсь такое плавное, спокойное, а сама вода такая

чистая и прозрачная, что кажется, будто передь вами не рѣчныя струи, а отполлированный желтый янтарь.

— А что, Якубъ Якубовичъ, не пора-ли намъ домой?

— Я думаю, что пора.

Усталые, медленно возвращались мы домой. Не скоро мы улеглись въ постель, но за то пріятный, глубокий сонъ слѣдоваль за нашимъ продолжительнымъ походомъ... Восходящее солнце слѣдующаго дня уже застало меня на ногахъ. На этотъ разъ я рѣшилъ познакомиться съ старожилами острова и пораспросить ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней. Мнѣ указали па единственнаго восьми-десяти восьми-лѣтняго старика Якуба Якубовича Гепнера. Но моей просьбѣ старикъ явился въ школу и скоро между нами завязался разговоръ.

— Скажите, пожалуста, откуда переселились ваши предки на островъ Хортицу?

— Предки мои переселились па Хортицу изъ нѣмецкаго города Данцига.

— А давно-ли это было?

— Да, это давно таки было: больше ста лѣтъ; мой отецъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ острова.

— Скажите-же, въ какомъ видѣ засталъ вашъ отецъ Хортицу? Не рассказываль-ли онъ вамъ о тѣхъ укрѣпленіяхъ, что въ сѣверной части острова?

— Рассказываль: говорилъ, что въ ту пору укрѣпленія были такъ высоки, что на нихъ и взойти нельзя было; изъ многихъ ямъ торчали толстыя дубовыя бревна и огромные дикіе камни. Канавы были широкія, а глубина такая, что упавшая туда лошадь тамъ и околѣвала.

— А что засталъ вашъ отецъ въ нижней части острова?

— Въ нижней, возлѣ озера Домахи, онъ видѣлъ какую-то казацкую хату. Хата, говорилъ, небольшая была, изъ тесаннаго дерева, съ маленькими окнами со ставнями; внутри стоялъ большой дубовый столъ, на срединѣ котораго вырѣзано было распятіе Христа, а на одномъ изъ угловъ просверлена дырка, въ которую, видно, вставлялась свѣча; кромѣ стола въ хатѣ были еще печь и лавы; съ наружной стороны, вокругъ хаты, разбросаны были тряпки, валялись черепа отъ посуды и насыпаны были кучи золы ¹⁾.

1) Ср. Драгомановъ. Малор. пред., Кіевъ, 1870 г., стр. 425.

— Прекрасно. Скажите же, не засталъ ли вашъ отецъ **кого-ни-
будь** изъ запорожскихъ **Козаковъ на островѣ?**

— На островѣ отецъ не видѣлъ никакихъ запорожцевъ, а вотъ возлѣ острова, гдѣ теперь Кичкась, тамъ видѣлъ какого-то запорожца.

— Не Дворяненкомъ-ли его звали? ¹⁾

— Кажется, что такъ.

— Что же, ничего не рассказывалъ отецъ вашъ о Дворяненкѣ?

— Рассказывалъ, какъ онъ укралъ у нихъ лошадь, когда они только что прѣхали на островъ.

— Какъ же это было?

— Да вотъ какъ. Послѣ продолжительнаго, говорить, путешествія мы добрались наконецъ до рѣки Днѣпра противъ Хортицы; переправились на островъ черезъ рѣку и сейчасъ-же стали отдыхать. Но не успѣли мы еще прійти въ себя, какъ смотримъ, кто-то съ противоположнаго берега плыветъ къ намъ въ лодкѣ. Оставивъ лодку у берега, онъ направился къ намъ; пришелъ, сталъ и смотритъ на насъ, не говоря ничего; мы тоже смотримъ на него и тоже не говоримъ ничего: тогда мы еще по русски не умѣли говорить, да и онъ по нѣмецки не могъ. Онъ былъ босой, безъ шапки, въ одной сорочкѣ да штанахъ (дѣло было лѣтомъ), на очкурѣ которыхъ висѣлъ большой ножъ. Казалось, ему лѣтъ за 50 было; собою здоровый, плечистый... Такъ постоялъ и ушелъ. Мы скоро угомонились и улеглись спать, привязавъ своихъ лошадей къ повозкамъ. Утромъ поднимаемся, сейчасъ-же къ лошадямъ; смотримъ, одной лошади нѣтъ; искать—нигдѣ нѣтъ. Бросились къ мѣсту, гдѣ привязана была пропавшая лошадь, лежитъ ножъ, тотъ самый, который мы видѣли наканунѣ у приходившаго къ намъ человѣка. Поняли тогда, куда дѣвалась наша лошадь. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ человѣкъ былъ запорожець; онъ жилъ сперва тамъ, гдѣ теперь колонія Кичкась, а потомъ, когда въ Кичкась стали селиться наши колонисты, перешелъ на противоположный берегъ рѣки ¹

¹⁾ Зуевъ, проѣзжавшій по Новороссійскому краю въ 1781 году, говоритъ между прочимъ о томъ, что въ Кичкась находится одна только избушка, въ которой живетъ запорожець,—Путев. зап. Спб., 1787 г., стр. 260. См. также Драгомановъ. Малор. предаи, и разск. Кіевъ, 1876 г., стр. 423.

(съ праваго на лѣвый), въ балку; тамъ онъ построилъ себѣ курень, завелъ пасѣку и такъ жилъ до самой смерти... Онъ часто приходилъ къ намъ, научился говорить по нашему; какъ-то разъ мы и спрашиваемъ его: «зачѣмъ ты, казавъ, укралъ нашу лошадь, когда мы въ первый разъ пріѣхали на Хортицу?»—«То моя, говорить, такая вдача, безъ того я не могу жить»¹⁾).

— А не находили-ли вы на островѣ или въ рѣкѣ какихъ-нибудь остатковъ старины?

— Было и это: и самъ находилъ, и у другихъ видѣлъ. Вотъ, положимъ, былъ я еще 17-лѣтнимъ юношей, когда однажды пошелъ купаться къ Старому Днѣпру, въ то мѣсто, что противъ колоніи Канцеровки. Пришелъ па берегъ, смотрю, что за чудо? Стоять какія-то суда: длиниыя, длинныя и хорошо сколоченныя, похожія на теперешніе дубы; считаю, оказывается семнадцать. Я платье съ себя, бросаюсь въ воду и давай осматривать ихъ. Оказалось, что они больше чѣмъ на половину занесены пескомъ и только верхняя часть ихъ выдавалась изъ воды. Нужно вамъ сказать, что за нѣсколько времени до этого въ Днѣпрѣ было большое наводненіе; вода повиносила много песку изъ русла рѣки и сама опала, тогда-то и показались суда, вѣроятно, очень давно затопленные здѣсь. Осмотрѣвъ хорошо свою находку, я побѣжалъ сообщить о томъ своему отцу. Но что-же отецъ могъ сдѣлать съ судами? Посмотрѣлъ, повыдернулъ нѣсколько бревень изъ нихъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Скоро вода снова начала прибывать и опять покрыла суда. Это давно было. А то въ 1845 году, послѣ большаго наводненія, я опять видѣлъ судно: это уже стояло въ Новомъ Днѣпрѣ, противъ Вошивой скели; передняя часть судна выходила па берегъ острова, а задняя затоплена была въ водѣ; судно было нагружено пулями да ядрами. Долго оно не покрывалось водой, и я часто лазилъ въ него, набиралъ пуль и ядеръ, но потомъ подошла вода и затопила. Такой-же величины я нашелъ судно въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ устья балки Куцой; на это судно я наткнулся случайно: купался и началъ нырять. Судно сидѣло очень глубоко въ водѣ; я началъ ¹

¹⁾ Преданіе это между прочимъ записано и Я. П. Новицкимъ; оно напечатано въ Малор. пред. и разск. Драгоманова. Кіевъ, 1870 г., 423; мы держались этой редакціи.

осматривать его и на самомъ днѣ нащупаль пушку. Это меня запало, и я нѣсколько разъ принимался осматривать: точно, судно и на днѣ его небольшая пушка. Ну что-жь? Ни лодки нельзя было вытащить, ни пушки... А лѣтъ десять тому назадъ въ томъ-же Старомъ Днѣпрѣ видѣлъ судно одинъ мальчикъ, сынъ нашего колониста. Тотъ нашель въ немъ саблю и взялъ ее. Не знаю уже, куда онъ послѣ ее дѣвалъ, но я видѣлъ эту саблю; она не такъ велика, кривая, обдѣлана серебромъ и много поржавлена.

Много находили вещей въ Днѣпрѣ, а па самой Хортицѣ еще больше. Какъ-то я нашель въ Большой Вербовой балкѣ кривой кинжалъ, длинное ружье и стальную кольчугу; все было покрыто такой ржавчиной, что я едва отчистилъ ее. Однажды я нашель въ балкѣ Куцой нѣсколько монеть; одна изъ нихъ такъ была тяжела, какъ шесть серебряныхъ рублей вмѣстѣ, другія—точно рыба луска, а третья такія-же, какъ теперь пяточки, по только разнятся тѣмъ, что у нихъ неодинаковая толщина по бокамъ: одинъ бокъ толще, а другой тоньше; на всѣхъ монетахъ были какія-то изображенія и надписи, на однѣхъ по русски,—какъ сейчасъ помню «Царь Борисъ», а на другихъ и не по русски и не по нѣмецки; на этихъ вылиты были львы, по три на каждой штукѣ. Случалось находить и другаго рода монеты съ однимъ лицомъ челоуѣка, или-же съ цѣльнымъ челоуѣкомъ, сидящимъ на конѣ. Всячину находилъ. Однажды нашель три большихъ острыхъ ножа, пять глиняныхъ съ высокими горлышками кувшиновъ, семь съ толстыми вѣнцами горшковъ. А то какъ-то выкопаль нѣсколько штукъ картечи и цѣлый складъ свинцу; свинець бывало такъ и валяется по-верхъ песка, точно черепья: охотникамъ не надо было покупать; выжди только, пока пройдетъ дождь или поднимется вѣтеръ, тогда и собирай, сколько хочешь. Да, чего только за свой вѣкъ я не находилъ на островѣ?! Небольшія, трѣхкратныя метталическія стрѣлки, желѣзныя, серебряныя и стальныя бляхи, мѣдныя и бронзовыя пуговицы, большія и малыя пряжки, удила, кольца, ножницы, ядра, бомбы, пули—все это частію я самъ находилъ, частію-же у другихъ видѣлъ.

Однажды нашель тридцать шесть пуль вмѣстѣ; всѣ онѣ были надѣты на длинную палку, шестью рядами, причемъ каждый рядъ заключаль въ себѣ шесть пуль. Нужно думать, что эго дѣлалось

для удобства: чтобы не забивать въ пушку отдѣльно каждую пулю, нѣсколько ихъ нанизывали на палку и уже самую палку вкладывали въ пушку. Въ балкѣ Широкой случилось мнѣ найти удивительный замокъ, такихъ я никогда послѣ не видалъ; онъ отпирался безъ ключа; надо было составить извѣстное слово изъ буквъ, вырѣзанныхъ на желѣзныхъ кружечкахъ кругомъ всего замка; кружечки вертѣлись въ разныя стороны и такимъ образомъ составлялись разныя слова, но нужно было подбирать всегда одно извѣстное слово, и тогда замокъ отпирался самъ собою. На островѣ Канцеровкѣ (Малой Хортицѣ) я какъ-то наткнулся на человѣческую кость; сталъ копать; прокопавъ съ поль-аршина земли, вижу—широкая яма, а въ пей семь человѣческихъ скелетовъ; па груди каждаго скелета лежить по нѣскольку мѣдныхъ, пустыхъ въ срединѣ, небольшихъ пуговицъ; видно было, что покойники одѣты были въ какіе-то суконные кафтаны, сукно было топкое, пожелтѣвшее; всѣ скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа; на одномъ лишь черепѣ я замѣтилъ дырку, образовавшуюся не отъ гніенія, а, кажется, отъ удара въ голову человѣка чѣмъ-то острымъ, отъ чего, быть можетъ, онъ и умеръ.

Да, много таки мнѣ пришлось за свою жизнь и видѣть и слышать. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ саду нашего колониста Якова Вибе найдены были двѣ пушки, одна мѣдная, а другая желѣзная; онѣ сложены были на-крестъ на глубинѣ не болѣе полутора аршина. А то какъ-то нашли цѣлый складъ оружія,—эго па островѣ противъ колоніи Кичкасъ; теперь этого острова нѣтъ; онъ смытъ водой, а прежде мы пасли на немъ лошадей и видѣли повыкопанные рвы и батареи, одинъ изъ этихъ рвовъ шель прямо по направленію къ скелѣ «Воротамъ». Находилъ оружіе и на «Столпахъ»,—тамъ тоже были укрѣпленія, но они засыпаны пескомъ. Прежде на Хортицѣ можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые ежегодно навѣщаютъ для этой цѣли нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ ¹⁾, гдѣ ихъ плавятъ и выливають изъ нихъ разныя вещи. Ядра ¹

¹⁾ Фабрика земледѣльческихъ орудій Леппа, въ семп верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Хортицъ-Верхней, скатернославскаго уѣзда.

и бомби подбирають русскія бабы: онѣ идутъ имъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите-ли, въ старые годы Днѣпръ былъ уже, чѣмъ теперь, шель ближе къ Вознесенкѣ, чѣмъ къ острову; оттого наша Хортица и была шире; но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Вознесенки, и подаваться вправо, ближе къ острову, сталъ размывать окраины его, выносить изъ нихъ разныя вещи... Въ старину бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только не увидишь. Тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песку ребра, проросшія высокой травой и отъ времени сдѣлавшіяся желтыми какъ воскъ. Задумаешь было выкопать ямку, чтобы чтонибудь сварить или спечь, наткнешься на гвоздь или кусокъ желѣза; хочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклоняешься, смотришь,—черепъ человѣческой, прогнившій, съ дырками, сквозь которыя выросла трава; нужно тебѣ спрятаться отъ когонибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда и натыкаешься па большой мѣдной казанъ или глиняную чашку, или еще чтонибудь въ этомъ-же родѣ...

Да, много было кое-чего, да поздно хватились все это собирать.

— Да, это точно. Но скажите, не опасно-ли было вашему отцу жить впервые на Хортицѣ?

— Какъ не опасно? Даже больше того: разъ какъ-то едва не убили его. Тогда, видите, бродили вездѣ «лугари»,—это разбойники такъ назывались. Однажды лѣтомъ отецъ куда-то уѣхалъ съ острова; мы, дѣти, были въ плавняхъ, а мать одна оставалась въ колоніи. Сидитъ и чѣмъ-то занимается. Вдругъ входятъ къ ней три человѣка и просятъ продать имъ молока. Мать согласилась, спустилась въ погребъ и вынесла имъ молока, сколько они просили. Тогда одинъ подходитъ къ ней и начинаетъ торговаться, а другой подбирается сзади и бьетъ ее безменомъ по головѣ. Она, какъ снопъ, валится па землю. Разбойники забираютъ деньги, оружіе, лошадей, разныя мелкія вещи и уходятъ. Но не успѣли они еще и отойти отъ дома, какъ является отецъ и съ нимъ два сосѣда колониста. Они бросаются на разбойниковъ; произошла свалка, во время которой одинъ изъ разбойниковъ вышибъ отцу зубъ. Но тутъ къ разбойникамъ подошли еще два человѣка и порѣшили исходъ

битвы: отецъ и два сосѣда его были перевязаны, а разбойники, взявъ много добра, ушли благополучно»¹⁾).

Вотъ тѣ данныя о Хортицѣ, которыя добыты мной на мѣстѣ, уже на второй день по моемъ приѣздѣ на островъ. Но я оставался на немъ еще нѣсколько дней, пока совершенно не освоился съ его мѣстностью и жителями; въ свободное для колонистовъ время я ходилъ по ихъ домамъ и осматривалъ тамъ разныя находки ихъ. Изъ такихъ находокъ меня заняли, между прочимъ, бомба и три ядра, находящіяся у старосты острова Гильдебрандта; бомба въ объемѣ имѣетъ аршинъ съ четырьмя вершками, а каждое изъ ядеръ по десяти дюймовъ; всѣ они набиты на пали частокола, которымъ отгороженъ у Гильдебрандта палисадникъ вокругъ дома отъ двора. Подобныя ядра, числомъ два, мнѣ пришлось видѣть также у колониста Ивана Классена, которыя онъ уступилъ мнѣ и изъ которыхъ одно еще и теперь заряжено.

Закончу свое изслѣдованіе о Хортицѣ словами г. Новицкаго: ♦Въ настоящее время островъ Хортица, это неприступное козацкое "кишло", принялъ совершенно другой видъ: курени²⁾ заросли бурьяномъ, а въ иныхъ попадаются деревья, простоявшія десятки лѣтъ, черезъ нихъ проходятъ стада овецъ и табуны породистыхъ нѣмецкихъ коней; на поляхъ острова (въ средней и нижней частяхъ) красуются нивы, дающія чуть не ежегодно обильный урожай; тамъ-же зеленѣютъ бакчи, на которыхъ родятся вкусныя арбузы и дыни; на восточномъ берегу острова красуется нѣмецкая колонія, утопающая лѣтомъ въ зеленѣющихъ садикахъ, гдѣ благоденствуютъ нѣмцы; на Днѣпрѣ, округлившемъ островъ, вмѣсто козацкихъ "чаекъ", плаваютъ десятки небольшихъ рыбачьихъ лодокъ, изъ которыхъ рыбаки забрасываютъ свои сѣти; тутъ-же проплываютъ и крупныя суда: барки, берлины, пароходы; а весною, во время разлива, и въ іюнѣ, весь Днѣпръ покрываютъ плоты»^{* 3)}.

1) Почти весь этотъ разговоръ записанъ по нѣмецки, авторъ предлагаетъ его въ русскомъ переводѣ.

2) Г. Новицкій называетъ ялы куренями; но были ли это куреня въ казачкомъ смыслѣ, это еще очень сомнительно, равно и то, чтобы первое поселеніе Козаковъ на Хортицѣ могло назваться въ строгомъ смыслѣ Сѣчью; "городокъ" — вотъ его названіе.

3) Я. Новицкій. Островъ Хортица. «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 55.

Было совсѣмъ за полдень, когда я, смоченный сильнымъ дождемъ, послѣ третичнаго осмотра укрѣпленій, возвратился въ школу къ Якубу Якубовича Куину. Въ этотъ день, вечеромъ, я рѣшилъ оставить Хортицу, чтобы продолжать свой путь далѣе внизъ, во второй Томаковской сѣчи. Собравшись и уложивъ свои вещи, я обратился къ хозяину съ щекотливымъ вопросомъ о вознагражденіи его за пріютъ и прокормленіе меня.

Якубъ Якубовичъ какъ-то задумался, что-то соображалъ; по-видимому онъ колебался между чувствомъ гостепріимства и простою практическою расчетливостію.

— Ну, что-жь, Якубъ Якубевичъ, сколько-же я вамъ долженъ?
повторилъ я.

— Одинъ рубль, отвѣчалъ онъ.

— Такъ мало?

— Довольно и этого.

Мнѣ понадобилась сумка, чтобы уложить нѣкоторыя изъ своихъ находокъ. Я обратился къ Якубу Якубовичу. Мнѣ подали.

— А сколько за сумку положите, Якубъ Якубевичъ?

— Ну, это тоже въ счетъ рубля.

Но и находки уложены; мы распростились. Уже давно ожидалъ меня лодочникъ, чтобы съ острова Хортицы переправить въ с. Вознесенку. Солнце было уже на закатѣ, когда я ступилъ на материкъ. Теперь мнѣ предстояло проѣхать с. Вознесенку, д. Слободку и г. Александровскъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и пуститься внизъ. Я рѣшилъ пройти все это пространство пѣшкомъ, отославъ свои вещи впередъ къ одному изъ обывателей Александровска.

Вознесенка оказалась большимъ многолюднымъ, но совсѣмъ не древнимъ селомъ. Она тянется на пространствѣ 3 — 9-ти верстъ, вдоль лѣваго берега Днѣпра, по каменисто-песчаному взгорью. Мѣстность ея нельзя назвать плѣнительною, но во всякомъ случаѣ она живописна; одна сторона села, набережная, окаймлена длинною рощею изъ деревьевъ мягкой породы, которая мѣстами смѣняется въ зеленяя долины; другая, противоположная часть граничить со степью, обращенной въ плодоносную ниву, усѣянную по мѣстамъ высокими курганами. За селомъ, на западѣ, открывается видъ на Днѣпръ съ его особенно каменистыми здѣсь берегами. Въ Вознесенскѣ есть церковь, волость и школа, учителю

которой, Трофиму Евфимовичу Дешкѣ, я такъ много былъ обязанъ въ дѣлѣ своихъ розысканій на островѣ Хортицѣ. Изъ Вознесенки я направился въ деревню Слободку, непосредственно за Вознесенкой, и отсюда уже добрался до г. Александровска. Здѣсь прежде всего я наткнулся на цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ съ западной стороны города. Въ длину укрѣпленія занимаютъ не болѣе одной версты, въ ширину нѣсколько менѣе того и представляютъ изъ себя очень высокіе валы съ глубокими вокругъ нихъ рвами, расположенными звѣздообразно и сохранившимися превосходно и въ настоящее время; чрезъ самую средину укрѣпленій пролегаетъ ровная, но узкая дорога, по обѣимъ сторонамъ которой кое-гдѣ ютятся небольшіе крестьянскіе домики. Кому принадлежитъ сооруженіе этихъ укрѣпленій? По всѣмъ соображеніямъ они насыпаны не дальше: какъ въ царствованіе импер. Екатерины II, во время одной изъ войнъ русскихъ съ турками и, стало быть, суть дѣло русскихъ солдатъ, а не запорожскихъ Козаковъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Въ царствованіи императора Николая, во время севастопольской войны, укрѣпленія были возобновлены, и потому такъ хорошо сохранились въ настоящее время.

Оставивъ укрѣпленія, я направился на востокъ, къ Александровску. Скоро я добрался до города и прошелъ его изъ конца въ конецъ. Городъ не представляетъ изъ себя чего-либо замѣчательнаго. Онъ небольшой, имѣетъ всего лишь двѣ церкви, ни одной гимназій, лѣтомъ пыленъ, осенью и весной грязенъ, хорошихъ зданій въ немъ нѣтъ, исключая развѣ острога, зданія съ наружной стороны, прекраснаго. Мѣстоположеніе гораздо возвышенное, нѣсколько покатою къ югу. Коренные жители малороссы, пришлые евреи и нѣмцы. Съ восточной стороны къ непосредственно примыкаетъ нѣмецкая колонія Шенвизъ. Время возникновенія города относится къ 1771 году, ко времени царствованія императрицы Екатерины II, такъ много заботившейся о населеніи Новороссійскаго края. Въ 1770 году десятаго мая, государственная коллегія, по распоряженію императрицы, дала знать генераль-поручику Дедепеву о построеніи на рр. Московкѣ и Бердѣ такъ называемой Ново-Днѣпровской линіи съ городами и о содержаніи въ нихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Въ 1771 году такая Ново-Днѣпровская линія дѣйствительно и была заведена: она начиналась у Азовскаго

моря крѣпостью Петровскою и оканчивалась на Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, крѣпостью Александровскою. Кромѣ того, па этой-же линіи предполагалось возвести крѣпости: никитинскую, григорьевскую, кирилловскую, алексѣевскую и захарьевскую¹⁾.

Указомъ 1770 г., въ тѣхъ видахъ, «дабы какъ Малороссія, такъ и слободская губернія навсегда отъ варваровъ обезпечена была», повелѣло было генераль-маіору Щербинину учредить «новую днѣпровскую линію» крѣпостей отъ Азовскаго моря до Днѣпра. Въ крѣпости александровской, крайней къ Днѣпру, устроена была резиденція линейнаго оберъ-коменданта²⁾. Вотъ время возникновенія крѣпости александровской, теперешняго уѣзднаго города Александровска. Александровскъ, на степени крѣпости, пользовался большою извѣстностью. Въ немъ стояли батальоны артиллерійскихъ и инженерныхъ командъ, множество разныхъ козацкихъ полковъ, жила тысячи посошныхъ рабочихъ людей и сотни разныхъ торговцевъ и промышленниковъ; сверхъ того, чрезъ Александровскую крѣпость уже тогда проложенъ былъ торговый трактъ изъ Великороссіи, чрезъ Малороссію, въ Крымъ³⁾; въ городѣ устроена была даже таможня и содержался карантинъ.

Занимающагося исторіей запорожскихъ Козаковъ заинтересуетъ въ Александровскѣ лишь то, что на одномъ изъ его кладбищъ покоится прахъ извѣстнаго кошеваго атамана, Осипа Михайловича Гладкаго, того самаго Гладкаго, который въ 1828 году, девятаго мая, возвратилъ запорожскихъ Козаковъ изъ предѣловъ Турціи въ предѣлы искони родной имъ Россіи. Умѣстно припомнить здѣсь хотя въ общихъ чертахъ обстоятельства этого дѣла.

Въ 1775 году, по различнымъ политическимъ соображеніямъ русскаго правительства, уничтожена была Запорожская Сѣчь, на ходившаяся на р. Подпольной, въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ. Запорожцамъ приходилось тогда плохо; большинствомъ голосовъ они рѣшили не поднимать оружія противъ своего брата «москаля», но вмѣстѣ съ тѣмъ и не даваться ему въ руки, а совсѣмъ оставить * *)¹

1) Записки одесскаго общества исторіи и древн. Одесса, 1863 г., т. III, стр. 292.

2) Пам. кн. екатер. губ., 1864 г.

3) Феодосій. Матер. для истор. стат. опис. екатер. епар. Екатеринославъ, 1880 г., II, 247 и 251.

свою отчизну въ Россіи и поискать себѣ пристанища у турка на Дунаѣ. И точно, многіе изъ нихъ нашли «ворота въ великую Порту». Но какъ-же больно и жутко было «низовымъ рыцарямъ» подчиняться тому самому бусурману, войну противъ котораго они считали святымъ дѣломъ и котораго ненавидѣли всею своею козацкою душою. Такъ прошло много времени. Духъ козацкій не ослабѣвалъ, сила запорожцевъ не оскудѣвала, да и сношенія съ родной Украиной не прекращались: многіе изъ молодыхъ украинцевъ покидали свои родныя «осели» и удалялись на тихій Дунай къ своимъ " бидолашнимъ братчикамъ" искать у нихъ новаго счастья. Между такими бурлаками былъ и Осипъ Михайловичъ Гладкій, чистокровный украинецъ, родомъ изъ с. Мельниковъ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, третій сынъ головы¹⁾ Михаила Григорьевича Гладкаго ²⁾. Осипъ Михайловичъ и " сдружился" уже на родинѣ: у него была жена Оеодосья Андреевна Мазуръ, по предкамъ полька, но по понятіямъ истая украинка. Но объ этомъ не вѣдали низовые братчики, какъ не вѣдали они и того, что Осипъ Михайловичъ, по благородному своему обычаю, прокутилъ все свое состояніе и, кромѣ жены, покинулъ на произволъ судьбы въ деревнѣ Краснохижинцахъ, той-же губерніи и уѣзда, еще четырехъ дѣтей: сына Василя, дочерей Елену и Наталію и сына Демьяна ³⁾. Обо всемъ этомъ запорожцамъ не было сказано, да и нельзя было: женатыхъ на Сѣчъ не принимали. Прошло еще нѣсколько времени. Случилось, что греки, народъ подвластный туркамъ, вынужденные ужасными насиліями со стороны своихъ влассителей, подняли противъ нихъ бунтъ. Надо было ихъ усмирить. Отъ султана Махмуда II пришелъ приказъ къ кошевому атаману запорожскихъ Козаковъ выслать 500 добрыхъ молодцевъ, которые должны были присоединиться къ турецкимъ войскамъ и идти противъ возмутившихся грековъ. Отрядъ собрался подъ начальствомъ походнаго кошеваго атамана Мороза. Въ это время Гладкій былъ избранъ куреннымъ атаманомъ, а къ 1827 году онъ повысился уже ¹

1) Михаилъ Григорьевичъ былъ 30 лѣтъ головою несмѣнно.

2) Два старшіе сына назывались: Афанасій и Максимъ.

3) Къ четыремъ дѣтямъ у Осипа Михайловича впоследствии, когда онъ возвратился изъ-за Дуная въ Россію, прибавилась еще дочь Марія, въ замужествѣ—Слоновская.

до кошеного атамана съ правомъ двухъ-бунчужнаго паши. Но вотъ затѣвается война Турціи съ Россіей; запорожцы, какъ подданные султана, должны были выступать противъ его врага, русскаго царя. Они призадумались. Созвали раду и порѣшили передаться природному своему государю. Главнымъ зачинщикомъ и орудователемъ этого дѣла былъ Гладкій. Приставшіе къ нему на 42 лодкахъ сѣчевики тайкомъ пробрались въ Измаиль и предстали предъ лице государя. «Прости, великій царю!» —" Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю. Я знаю, что вы за люди!" Осипъ Гладкій повергъ къ ногамъ государя свою булаву, саблю и шапку и въ замѣнъ того получилъ на Андреевской лентѣ золотую медаль, чинъ полковника, далѣе командира, затѣмъ кошеваго и наказнаго атамана сперва отдѣльнаго запорожскаго войска, названнаго потомъ дунайскимъ козачьимъ полкомъ и переименованнаго затѣмъ въ азовское козачье войско. Но прошло опять много времени. 1855 годъ. Осипъ Михайловичъ уже въ отставкѣ, теперь онъ генераль-маіоръ, живеть въ станицѣ Ново-Спасовкѣ, потомъ въ купленномъ имъ хуторкѣ (за 6 тысячъ рублей) Ново-Петролавловкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, между сс. Славгородомъ и Покровскимъ, на р. Солоной, въ шестидесяти верстахъ отъ уѣзднаго города Александровска. Теперь онъ уже не разлучень со своей Ѳеодосьей Андреевной, ведеть мирную жизнь помѣщика-хуторянина; дѣти его воспитываются: старшій, Василій, сперва въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ екатеринославской губернской гимназій, которую кончаетъ съ серебряной медалью, имѣя съ тѣмъ вмѣстѣ уже и чинъ офицера, Демьянъ—въ александровскомъ царско-сельскомъ малолѣтнемъ корпусѣ ¹⁾, Наталья—въ полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвиць, Марія и Елена—дома, подъ надзоромъ самихъ родителей. Наступилъ 1866 годъ, роковой годъ для Осипа Михайловича. Лѣтомъ, въ іюньскую жару, въ день апостоловъ Петра и Павла, Осипъ Михайловичъ отправился въ г. Екатеринославъ по какимъ-то дѣламъ. Уже онъ оставилъ его; уже благополучно добрался до г. Александровска. Но тутъ внезапно почувствовалъ припадки страшной болѣзни—*холеры*, свирѣпствовавшей незадолго передъ этимъ въ г. Екатеринославѣ, и, послѣ непродол-

1) Онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1862 голу въ званіи баталіоннаго командира.

жительныхъ страданіе, пятого іюля, покончилъ свое земное существованіе, проживъ 79 съ половиной лѣтъ. За нимъ послѣдовала и его супруга, безотлучно находившаяся при больномъ супругѣ и заразившаяся того-же болѣзнью. Какъ и Осипу Михайловичу, Θεодосьѣ Андреевнѣ было также 79 съ половиной лѣтъ. Оба похоронены на городскомъ кладбищѣ Александровска. " Генсраль-маіору, бывшему кошевому атаману запорожскихъ Козаковъ, Осипу Михайловичу Гладкому»,—такъ гласить надпись, сдѣланная па небольшомъ крестѣ, поставленномъ сыномъ усопшаго Василиемъ Осиповичемъ Гладкимъ на могилѣ отца.

Изъ всѣхъ дѣтей бывшего кошеваго атамана запорожскихъ Козаковъ въ настоящее время осталось только двое: Василій Осиповичъ, въ отставкѣ подполковникъ, и Наталья Осиповна.

Было около полуночи, когда я оставилъ г. Александровскъ и отправился на пароходную пристань. На палубѣ, упоенный прелестью ночи, задумчиво сидѣлъ пароходный слуга.

- Какой пароходъ?
- Князь Барятинскій.
- Когда отходить?
- Завтра въ одинадцать часовъ дня.

Я спустился въ каюту, тамъ не было ни души. Я осмотрѣлся по сторонамъ каюты: это была комната средней величины, съ невысокимъ потолкомъ, какъ вообще на рѣчныхъ пароходахъ, но такъ хорошо обставленная, такъ чисто, въ ожиданіи пассажировъ, прибранная и даже вентилированная, что въ ней чувствовалось въ одно время и удобно, и легко. Пароходъ чуть замѣтно покачивался на быстромъ теченіи воды. Пользуясь полнымъ просторомъ, я тотчасъ же все приспособилъ по своему вкусу, потушилъ лампу, открылъ окна, и расположившись на мягкомъ клеенчатомъ диванѣ, весь отдался теченію своихъ мыслей.

Настроенное въ теченіи нѣсколькихъ дней на одинъ топъ мое воображеніе работало неустанно; я чувствовалъ изнеможеніе, усталость и не могъ побороть томившихъ душу воспоминаній; во мнѣ поднимался жаръ и я вышелъ на палубу, чтобы освѣжиться прохладою ночи. Стояла тихая, украинская ночь, воспѣтая безсмертнымъ Гоголемъ, съ ея чарующимъ дѣйствіемъ на все живущее. Предомною, въ нѣкоторомъ отдаленіи, вырисовывался очерченный на поло-

вину гранитными скалами островъ,—прославленная поэтами и историками, измѣренная теперь и моими ногами Хортица. Вокруг острова, во всѣ стороны, вверхъ и внизъ, широко разлился Днѣпръ-Славута. богатырь рѣка, и какъ-бы утомленный вѣковѣчною борьбою съ утесами, тихо катилъ въ безграничную даль свои могучія воды.

Эхъ ты Днѣпръ, ты мой широкий,
Днѣпръ широкий и глубокий,
Ты куда, родной, плывешь?

Луна въ полномъ блескѣ стояла въ небѣ и яркимъ, чарующимъ свѣтомъ серебрила и легкую, чуть примѣтную зыбь днѣпровскихъ водъ, и широко раскинувшійся на островѣ лѣсъ, полный величія, прелести, обаянія. А изъ лѣсу неслись безконечныя, едва уловимыя трели соловья, звонко раздаваясь внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Въ воздухѣ чувствовались та мягкость и нѣга, которыя ни на минуту не даютъ успокоиться вашимъ нервамъ и помимо воли настраиваютъ воображеніе на высокій мечтательный топъ. Думаемъ, мечтаемъ моимъ, казалось, не будетъ конца: въ моемъ воображеніи толпами роились дивныя, дорогіе, давно забытые образы. Глаза мои приковались къ острову, такъ богатому своимъ прошлымъ. Мысль стремилась раздвинуть таинственную завѣсу, набросанную вѣками на это поэтическое и величественное мѣсто, и только суровая, неумолимая дѣйствительность охлаждала меня и разсѣвала мои мечты. Да, здѣсь была первая колыбель славной въ свое время низовой вольницы, рыцарей вѣры Христовой, враговъ ислама, сермяжныхъ носителей высшихъ идей свѣта и правды, свободы, равенства и братства. Въ формѣ грубой и дикой, условленной и самымъ дѣломъ и тогдашнею степенью культуры, стремились они къ осуществленію своихъ идеаловъ; но не суждено было имъ путемъ естественнаго самостоятельнаго развитія перейти къ болѣе мягкимъ и лучшимъ формамъ гражданственности и общежитія и, какъ-бы въ видѣ горькой ироніи судьбы, пришлый нѣмецъ, чуждый всякой связи съ колыбелью ихъ подвиговъ, флегматично бороздитъ упитанную ихъ кровью и пересыпанную остатками ихъ бранныхъ доспѣховъ землю, воспитывая традиціонный свой картофель и, быть можетъ, мечтавая втихомолку о своемъ Vaterland`ѣ, какъ избранный народъ Божій о своемъ Иерусалимѣ...

Стугонить Днипро по скеляхъ,
Бьетця обь пороги;
Все питае: "де-жь вы, дити?
Де мои небоги?»
Стугонить Днипро зь порогивь,
Лине до Хортыци,
Каже: «Байдо, де-жь твѣй городь,
Стягъ и гакивныци?
Де та Сича, що якъ море,
Силою кипила;
Тая воля, що въ роздолли
Пекломъ клекотила? "
Розвалилися редуты
И ровы густою
Отъ пизивъ и до вершины
Вкрылися травою.
Въ граняхъ Сичи спить нерушно
Камьяна планина;
Землю, славою покрыту,
Топче товарина.
На козачимъ вжитку нимци
Хатъ набудували,
Грунтъ пошарпали, побили,
Раломъ заорали.
Воля, ретязомъ повита,
Въ плавняхъ спочйвае;
Слава, кровью перелита,
По свиту литае...
А Днипро бижить до моря,
Все пита Хортыци:
«Де-жь та Сича? де-жь той Байда?
Стягъ и гакивныци?»¹⁾...

С. Петербургъ, 1885 г.,
20 октября.

Д. И. Эварницкій.

¹⁾ Изъ стихотвореній Я. П. Щоголева. Харьковъ, 1883 г., декабря 12.